

Искры на воде

Повесть

«Кеты (кет – «человек», остяк) – коренной народ Красноярского края. Жили по берегам Енисея дисперсными группами. Общая численность в России не превышала двух тысяч человек».

«...Южные группы кетов, котты, расселились к востоку от Енисея, выше устья Ангары (реки: Усолка, Она, (Бирюса) Кан). В XVII – XVIII веках происходило растворение кетов в иноязычной среде, слияние их с соседними народами. Котты дольше других сохраняли свой язык – до второй половины XVIII века».

«...Перечень коттовских улусов (аймаков): Иланская (Еланская), Таганаков и Именков. Улусы находились на р. Пойма, р. Тибишет. Пеленгутская волость располагалась на р. Туманшет, в районе ее устья, где кочевали в тайге карагасы (черные асы, или тофы). Агашская и Инголотская волости располагались на реках Бирюса и Тагул».

(Из исторических документов)

1

Широкая лента водной глади огромной змеей выползала из-за горы. Медленно и бесшумно проплывала мимо, завораживая своим величием. Только слегка всхлипывали ветки тальника, купаясь в набегающих струях, да солнце, распавшись на множество мелких искр, разлилось по всей прибрежной полосе на противоположной стороне реки. Искры, расшавившись, разлетались в разные стороны, снова собирались вместе и исчезали в прибрежной траве. Потом появлялись в другом месте, и всё повторялось до тех

пор, пока солнце не коснулось макушек огромных сосен на вершине сопки, прислонившейся к реке. Когда уставшее за день светило стало прятаться за деревьями, искры вдруг превратились в огромное багровое пятно. Оно то расплзалось, то собиралось в кучу, принимая невероятные формы. Солнце зашло. Ещё какое-то время зарево окрашивало небо, но вскоре тяжёлые сумерки поглотили все цвета. Несколько мгновений стояла абсолютная тишина, словно всё живое одновременно затаило дыхание, но вдруг сразу громко зазвенел гнус, до сих пор таившийся в траве. И не только зазвенел, но и направился на поиски своих жертв.

Проказница Бирюса во всей своей красе предстала перед очередным притоком, несущим ей говорливые волны. Люди имя ему дали – Туманшет, и был он вполонину меньше. Он, шумный и своенравный в верховье, здесь успокаивался и тихо соединялся с более мощной сестрой. Обе реки брали своё начало с гор, но после слияния левый берег становился равнинным, зарастал редким тальником и словно успокаивался. Простираясь вниз по течению, он всё больше уходил в сторону, захватывая новые просторы. В половодье река заливала эти места, образуя озера и болота. Это был рай для водоплавающей птицы. Разные виды уток выводили здесь своё потомство, гуси и лебеди использовали озёра и луга для кормёжки и отдыха при своих сезонных перелётах. На правом берегу высокие холмы ещё долго тянулись вдоль реки, порой уходили в сторону, а потом опять прислонялись прямо к самой воде.

На сухом, ровном, как стол, месте, возле самого устья Туманшета, расположилась Пеленгутская волость. Здесь, на берегу реки, постоянно проживали котты, совсем немногочисленный народ, пустивший свои корни в бассейне рек Бирюса и Кана. Теснимые южными соседями, кеты стали кочевать на север, в низовья Енисея. Небольшая часть их пошла на восток по Ангаре, остальные свернули на Ону и Кан. Поднимаясь вверх по течению Бирюсы (Она), они почему-то не остановились, а пошли на реки Пойма, Тибишет, Туманшет и Тагул. Со временем они стали зваться коттами, или остяками. (Так звали их казаки, успешно осваивавшие Сибирские просторы). Котты не имели мест постоянного проживания. Летом они ютились по берегам рек, а зимой уходил в тайгу на промысел. Добывали мясо и рыбу для своих нужд и пушнину для обмена на жизненно необходимые товары. Возникло только несколько постоянных поселений, расположившихся в устьях Туманшета, Тагула, Тибишета. Жители в них освоили несвойственные их предкам ремёсла. Занимались шитьём разной одежды, кузнечным делом, шили обувь, изготавливали и разные поделки для себя и на продажу. В этих же поселениях проходили торги в середине лета, когда все охотники спускались по рекам. С низовьев Бирюсы лодками и обозами прибывали купцы.

Оригинально строилось жильё, наполовину срубленное из леса, верхняя часть которого собиралась жердями под конус, загорожена была досками и укрыта землёй и дерном. Наполовину землянка, наполовину чум. А зимой строение утепляли шкурами лосей и оленей. Рядом находилось загороженное пространство, загон для скота, который разводили котты, постоянно проживавшие в поселении. Таких полудомов, получумов было немного – десятка два. Два дома были полностью срублены из дерева, покрыты двускатной тесовой крышей. В них жили торговые люди, сюда же приезжали купцы и раскладывали свои товары.

Вокруг этих строений стояли чумы, покрытые алатаем (берестой). Здесь жили охотники, приплывшие с верховья Туманшета, Тагула, Бирюсы на своих больших, собранных из кедровых досок лодках-илимках. Можно было жить прямо в них, но и чум поставить было недолго, чтобы быть ближе к народу и находиться в гуще всех событий. В лодках обычно проживали подростки, сторожившие их от свободно слоняющегося вокруг скота. Людей не боялись – воровство коттам было неизвестно. Они обменивали пушнину, шкуры лосей, оленей, камус, поделки из бересты на товары, которые нельзя добыть ни охотой, ни рыбалкой. Брали медную посуду, котлы, чайники, для дорогих гостей приобретали и фарфоровые чашки. Покупали чай, табак, сахар, крупу, соль

добывали сами на солёном озере, которое находилось недалеко от реки. Загружали свои огромные лодки мукой, разными продуктами, одеждой, материей, украшениями, которые очень любили девушки, и отправлялись в свои стойбища.

Возле чумов всегда горели костры, на них в больших медных котлах, начищенных по случаю праздника, варили рыбу и чай. На гнус мало кто обращал внимание: мужчины потягивали трубки и обдавали себя облаком дыма, и мошкара не летела близко к костру.

Старый Шалгу уже много часов сидел молча. Сначала он наблюдал за игрой света на воде в лучах закатного солнца, потом смотрел на искры, вспыхивающие над костром. На его изрезанном морщинами, измождённом лице иногда появлялась едва заметная улыбка. Длинные седые волосы космами торчали во все стороны, нечесаная борода была взъерошенной. Очередной раз набив свою старенькую трубку, вырезанную из корня старого кедра, Шалгу раскурил её и снова стал разглядывать искры, порхающие над костром. Вспомнилось прошлое.

Самое раннее, что помнил Шалгу, – это большая река да лодка-илимка, которую тащили всей семьёй за верёвку по берегу. В этой огромной лодке всё лето проживала его семья. В тот год несколько семей погрузили всё своё нехитрое имущество в лодки и отправились на новые земли, потому что начались притеснения от казаков, появившихся в этих местах. Да и тунгусы, воинственно настроенные, заходили с севера в охотничьи земли коттов. Тесно стало на Бирюсе, и коттовские роды стали расходиться по южным притокам Бирюсы. Отец Шалгу, его братья с жёнами и детьми большой семьёй одними из первых тронулись в путь. Шалгу был ещё слишком мал, чтобы тянуть лодку, он сидел на корме и смотрел по сторонам.

По пути они встретили охотника, кочующего на олене, расспросили его, где можно остановиться, не мешая другим. Охотник оказался из рода карагасов, кочевого народа, обитавшего далеко в верховьях рек. Карагас показал им дорогу к Туманшету. Тогда и пошли родичи Шалгу осваивать реку и близлежащую тайгу. Новые земли оказались свободными. Доброй оказалась и река, и тайга, здесь и вырос Шалгу. Вспомнил старик, как потом, когда вырос, и сам таскал лодку по реке. Но ни отец, ни сам Шалгу не изменили этим местам, прижились. В тайге было много белок, лосей и изюбров, в реке много рыбы. Родились и выросли дети в этих местах, ставших им родными. Много воды утекло, несколько лодок пришлось сменить с тех пор.

Долгую жизнь прожил Шалгу, выросли его дети, внуки. Но среди них он ещё острее стал чувствовать своё одиночество. Отодвинув свои воспоминания, он оглянулся вокруг. Каждый чем-то занимался, и никому не было дела до старика. Хотелось домой.

Но ещё несколько дней Шалгу вместе со своими сородичами останется здесь. Завтра он начнёт делать маленькую лодку-ветку. Осина, из которой предстоит выдолбить лодку, уже лежит готовая на берегу, осталось только приложить руки. Старик – один из немногих умельцев, у которых лодки получались лёгкими, крепкими и удобными. Казалось, что ничего сложного нет: выдолбил по форме, развёл борта – и всё. Так-то оно так, да только лодки у всех получались разные. Шалгу делал лучшие во всём этом краю ветки. Только ему давали хорошую цену за работу, по всей округе знали, что он большой мастер. Лучше его никто не мог сделать и лук. Много секретов таил хороший лук: как выбрать берёзу, лиственницу, как высушить. Осетровый клей, которым склеивали детали лука, Шалгу варил сам, сам выбирал из рыбы хрящи и воздушные пузыри, которые вываривал на медленном огне. У него были свои секреты, которые он хранил, не желая передавать их кому попало. Каждый охотник мечтал об оружии, сделанном стариком.

Шалгу ещё с утра приготовил тёсла и остальной инструмент, осмотрел дерево, приготовленное для лодки. Вторую половину дня Шалгу сидел и настраивался на работу. Потом мысли улетели в прошлое, разбредили душу старика, таким мыслям только дай волю, они вывернут душу наизнанку. Вспоминается разное: плохое и хорошее, но память упорно тянется к счастливым минутам прошлой жизни. Бывало и тяжело, порой голодали, но нечасто приходилось есть толчённую еловую кору с порсой, порошком из сушёной

рыбы, обычно хватало мяса и юколы до нового сезона. Так стоит ли сейчас думать об этом. Только два года помнит Шалгу, когда не было еды, и то это было давно.

Хорошие охотники всегда были в роду у Шалгу, умели добыть лося и дикого оленя и по мелкому снегу, и по глубокому, и по насту. Было чем порадовать живот длинными зимними вечерами. А когда все сыты, то можно и послушать разные истории, покуривая трубку. В чуме тепло, только вьюга подвывает за пологом, раскачивая сосны за макушки да сбрасывая шапки снега с еловых лап. Сам Шалгу один далеко не ходит за добычей, ноги стали подводить, не может старик угнаться за своими сыновьями. Старший Чалык уже имеет свой чум, у него есть жена и двое маленьких сыновей. Они ещё цепляются за материну юбку – вырастут. У Чалыка есть время ждать. Он ещё полон силы. Неплохой охотник из него получился, много добывает белки и соболя. И мясо, добытое им, всегда варится в котле. Его жена Кутега из рода карагасов (тофы) привезена из верховьев Бирюсы четыре года назад. Хорошая невестка. Всегда лучший кусок мяса получает Шалгу. На следующее лето надо выбрать жену для Нюннiam. Всю зиму младший сын будет охотиться, чтобы приготовить хорошие подарки невесте и её родственникам. Шалгу хочет и вторую невестку взять из рода карагасов. Хорошие жёны выходят из этого рода, умеют всё делать, даже охотиться научены, не пропадут с ними мужья и дети. Старик уже расспрашивал знакомых чёрных асов (тофов), в какой чум прийти с подарками, где есть лучшие невесты. Только бы охота была удачной, а с хорошими подарками в любом чуме будут рады встретить: не выбросят подарки, не перевернут котёл. Подарки для невесты принято дарить в котле, если не перевернули хозяева котёл, значит, готовы принять и жениха.

– Нюннiam, – сказал старик младшему сыну, – будешь помогать лодку делать.

– Хорошо, – Нюннiam никогда не задавал лишних вопросов и говорил совсем мало. Больше слушал и смотрел, пытаясь всё запомнить. Он был выше отца, лицом в красавицу-мать, удачей и ловкостью в Шалгу. Нюннiam был предметом незаметных девичьих взглядов и в стойбище, и в Пеленгутах, но не замечал их. Ходил Нюннiam всегда в сопровождении своей собаки. Четыре года он растил Чура, так звали кобеля, таскал его за собой по лесу, брал на рыбалку. Все охотничьи инстинкты со временем проснулись в собаке. Чур слушался только своего хозяина, даже старик Шалгу не мог заставить кобеля подчиниться себе, как всех остальных собак. Чур был выше своих сородичей, чёрный, с жёлтой подпалиной на широкой груди. Свою силу он давно показал всей своре и верховодил всеми собаками в стойбище. В драках не участвовал, но выходил из послушания и бегал со всеми кобелями в очередной собачьей свадьбе. Природа брала своё. Кобель был из редких охотничьих собак, работавших и по зверю, и по птице. Одинаково хорошо облаивал белку и брал соболя, гонял косуль, держал сохатого и медведя, доставал сбитую утку из воды, облаивал глухаря. Своим собачьим чутьём он всегда знал, что надо делать на охоте: никогда не ждал команд, просто делал своё дело и всё, жил охотой.

Два года назад отец сделал младшему сыну большой подарок - специально для него склеил лук. Радости не было предела. Не каждый охотник был достоин такого подарка, а он, совсем ещё мальчишка, имел настоящее охотничье сокровище. Нюннiam спал с луком в обнимку.

– Не опозорь меня, – сказал отец, подавая оружие.

Прочные крепкие стрелы, выструганные из берёзы, всегда находили цель, словно лук сам высматривал добычу. В первый же день к вечеру Нюннiam принёс домой козу. Когда Чур вдруг сорвался с места и исчез в кустах, молодой охотник затаился у огромной сосны. Он приготовил лук и стал вслушиваться в однообразные звуки леса. Вдруг где-то далеко раздался звонкий лай Чура. Вместе с собачьим лаем, быстро приближавшимся к охотнику, раздавался и треск сучьев. Коза выскочила на полянку перед охотником, лук хлопнул тетивой, стрела пронзила шею добыче. По инерции коза сделала ещё несколько прыжков и рухнула. Нож доделал дело. Вечером в стойбище было весело. Вырос охотник, вырос

кормилец и добытчик. Охотнику вручили лучший кусок мяса в знак признания, Чур тоже получил свою долю.

Длинный летний день подходил к концу. Шалгу и Нюнням сидели на бревне и разглядывали результат своего труда. Перед ними лежала ещё не лодка, но уже и не бревно, которое они начали обрабатывать с восходом солнца. С первыми лучами Шалгу вытащил из сумки своего божка, что-то пошептал, спрятал его и взялся за тёсла. Нюнням выдалбливал середину, а Шалгу делал форму будущей ветки. К концу дня всё лишнее было отсечено, осталось только развести лодку, сделать её широкой. Затем надо будет поставить шпангоуты, сделать сиденья, просмолить, и лодка вызреет, словно кедровая шишка осенью, - можно пробовать её на воде. Целый день вокруг лодки на небольшом расстоянии сидели любопытные и наблюдали за работой, надеясь выведать секреты старика. Некоторые мастера не любят, когда за ними наблюдают, прогоняют всех, но Шалгу скрывать нечего. Есть глаза – смотри. Не всё, что увидишь, можно сделать, да и секретов особых нет. Нужен острый глаз, твёрдая рука и много терпения. Одно неловкое движение – и можно всё испортить безвозвратно. Лодка получается тонкая и случайно прорубить насквозь можно очень просто. Шалгу сам заканчивал последнюю выборку. Знал, что Нюнням не испортит дело, но хотелось показать своё искусство. Отец с сыном раскурили трубки и, довольные выполненной работой, пускали дым и щурились от удовольствия. Любопытные подходили к лодке, смотрели, трогали руками, пробовали на вес и восторженно галдели. Пришёл и охотник, заказавший ветку. Осмотрев лодку, подошёл и молча присел рядом с мастером. В глазах теплела улыбка.

– Завтра приходи, будешь смотреть. Воду опробуем через день, – сказал Шалгу, не поворачивая головы.

Охотник кивнул и ушёл. Разошлись все по своим чумам, только Шалгу с сыном ещё сидели возле лодки.

– Пора готовить подарки, – сказал старик. – Много белок ловить. Хорошую невестку буду искать. Богатые подарки надо готовить.

Нюнням сразу всё понял, покраснелись его смуглые щёки. Но он ничего не ответил, словно и не слышал слов отца. Шалгу поднялся и медленно пошёл к чуму. Большую работу сделал мастер, устал, но не показывал вида.

Много повидал старик, всё чаще стал задумываться о прошлой жизни, подводил какие-то итоги. Жизнь катилась ближе к вечеру, и хотелось достойно встретить закат. Осталось женить младшего сына, и он будет готов встретиться с Есь. Всё чаще всматривался в небо Шалгу, пытаясь поймать взгляд повелителя неба. Он точно знал, что бог Есь уже посматривает в сторону старика, хотя ещё и не зовёт его. Жену Шалгу забрала к себе злая Хоседэм. Пять лет уже прошло. Старуха на лодке переплывала на другой берег собирать луковиц сараны, топляк, едва видневшийся из воды, опрокинул лодку. Чннга ударилась головой о дерево, и Хоседэм утащила её на дно. Похоронили Чннга на высоком берегу Туманшета. С тех пор старик стал понемногу сдавать, хотя крепился и старался выглядеть бодрым.

Утром Шалгу с сыном разложили длинный костёр, на котором можно было полностью прогреть лодку. Ждали, пока нагорят угли. Лодку лучше прогревать на углях, тепло равномерно расслабляет влажную податливую древесину. Прогретую лодку клинышками начинают разворачивать, с каждым разом увеличивая длину клиньев, снова и снова прогревая лодку. Чем медленнее разводить дерево, тем меньше возможности порвать борта. Зрителей вокруг было ещё больше, не часто можно увидеть, как из куска дерева рождается лодка. Люди сидели молча, если и восхищались, то делали это бесшумно, не мешая мастерам. Нюнням и помогал отцу, и что-то делал самостоятельно. Шалгу удивлённо поглядывал на сына, но молчал, не мешал, видел, что сын делает всё правильно. «Хороший мастер будет, – думал старик. – Всё правильно видит. Острый глаз у Нюнням. Хороший охотник, хороший мастер. Есть кому передать секреты».

К вечеру лодка была готова. Всё, что надо, стояло на месте. В последний раз её прогрели, чтобы все натянутые места ослабили, приняли форму. Лодка получилась ладной. Осталось просмолить, и можно спускать на воду. Завтра день уйдёт на последние доработки.

К концу следующего дня, когда ветка была готова окончательно, спускать её на воду собрались почти все жители Пеленгут. Люди с любопытством и с тревогой смотрели на последние приготовления. Испытывать лодку взялся молодой мастер Нюнним. Когда он сел в ветку и приготовился оттолкнуться от берега, в лодку запрыгнул Чур. Он быстро улёгся на носу лодки и стал поглядывать вперёд. У зрителей на берегу это вызвало смех. Люди улыбались и кивали головами. Это был добрый знак, хорошая собака в плохую лодку не прыгнет. Нюнним немного поплавал возле берега, покачал лодку и вернулся на берег. Теперь её должен опробовать хозяин. Охотник с напускным равнодушием взялся за весло, долго пускал лодку туда-сюда, поворачивал, плыл задом. Потом, причалив лодку к берегу, вытащив на песок, подошёл к Шалгу, сидевшему на камне и равнодушно наблюдавшему за происходящим, протянул кожаный кисет с табаком, угощая мастера, и, стараясь быть серьёзным, сказал:

- Хорошая ветка, – но на лице блуждала довольная улыбка, выдавая восторг.
- Добрая, – кивнул старик, раскуривая трубку.
- Я доволен. Ты лучший мастер.

Старик кивнул, поднялся с камня и, не оглядываясь, отправился к себе. Люди ещё долго не расходились, обсуждая работу.

- Шалгу! – окликнул охотник. Старик остановился, не оборачиваясь.
- У меня ещё заказ есть.
- Приходи завтра, – старик скрылся среди чумов.

2

Вместе с восходом солнца с реки поплыло молочное облако тумана, накрывая всё вокруг. Солнечные лучи только делали белое море ещё более белым, но не проходили насквозь. Туман стал преобразовываться сначала в мелкие капли, потом рвался на куски, прилипал к траве и, наконец, осел большими прозрачными бусинками на траве и кустах. Воздух становился прозрачным, прохладным, освежающим. Всё на мгновение замерло, но вскоре солнце стало разогревать воздух и съедать росу. Поселение зашевелилось, оживо. Сразу стало видно, как между жилищами сновали люди, уже горели костры, в котлах готовилась рыба, варился чай.

Шалгу курил уже вторую трубку, когда пришёл охотник, получивший вчера лодку. Он молча присел к костру, тоже раскурил трубку. Двое мужчин курили и думали о своём, наконец, охотник выбил остатки табака из трубки, спрятал её за пазухой.

- Все знают, что лучше тебя никто не делает лук. Далеко вокруг идёт слава.
- Лук сам не стреляет, нужна крепкая рука охотника, острый глаз.
- Это верно. Всё верно. Я хочу такой лук. Постараюсь не опозорить твоё имя, Шалгу.
- Это будет не скоро.
- Я буду ждать сколько надо, – сказал охотник и пошёл прочь от костра.

Илимку, большую лодку, наполовину покрытую берестой поверх согнутых ивовых прутьев, приготовили к отплытию только после обеда. Никто не торопился. Лодку придётся тащить верёвкой всем, кто на это способен. Илимка, хоть и имела низкую осадку и хорошо скользила по воде, но на этот раз она была хорошо нагружена. Только муки нагрузили несколько мешков, чтобы хватило до следующей торговли, а это будет только через год. Много и других товаров было закуплено. Хороша лодка, много в неё можно погрузить, и ещё осталось место для людей.

К вечеру ушли на хорошее расстояние. Шалгу, Чалык, Нюнним и другие мужчины тащили лодку, Кутега стояла на носу лодки и отталкивалась багром от камней. Только

маленькие сыновья Чалыка сидели в лодке и вертели головами по сторонам. Женщины шли по берегу и собирали разные травы и листья, нужные и для чая, и для настоев. Сначала шли неохотно, но потом втянулись, и стало легче. Когда солнце зацепилось за макушки сосен, Шалгу остановил движение. Илимку привязали к дереву, сами стали готовить место для ночлега. Кутега быстро развела костёр и повесила два котла: один для чая, другой для рыбы, остальные женщины помогали ей. Всё делалось легко и ловко. Старик сел на огромный валун и раскурил трубку. Нюнням на ветке быстро перегородил тихую заводь сетью, а Чалык прошёл по берегу и палкой похлопал по воде. Сеть затрепыхалась, несколько щук запуталось в сети. Нюнням выбрал самых больших, а остальных разделил собакам. Любимец Чур получил лучший кусок. Вскоре от костра потянулся вкусный запах варёной рыбы. Пока готовилась еда, Нюнням повесил на кусты сеть сушиться, вытряхнув запутавшуюся траву и сучья.

– Закрой всё в лодке и привяжи её получше, завтра будет дождь, – тихо сказал Шалгу, не вынимая изо рта трубки. Нюнням ничего не спрашивал, просто сделал, что говорил отец: старик зря не скажет. Большими кусками бересты Нюнням прикрыл лодку и проверил верёвку. Чалык притащил несколько сухих валежин, будет чем поддержать костёр.

– Только завтра к вечеру закончится дождь, будем ждать здесь, – добавил Шалгу.

Кутега позвала всех на ужин. Ели молча, поглядывая на чернеющее небо. После еды верёвками и кольями стали укреплять шалаш.

Очень часто здесь дожди сопровождаются грозой, а гроза в лесу страшна. Ветром раскачивает макушки деревьев, высоченные сосны начинают сердито трещать и скрипеть, а берёзы сердито размахивают длинными ветками, скручивая их в верёвки. Если дерево находится недалеко от шалаша, то становится страшно, кажется, что оно вот-вот рухнет на голову. Грозы бывают такие сильные, что редко обходится без последствий. Обычно молнией разбивало одно-два дерева, особенно высоченные лиственницы. Хорошо, если будет сильный дождь, а то не миновать лесного пожара. Когда Шалгу был ещё молод, ему приходилось убегать от лесного огня. Хорошо, что река была рядом, а там стояли лодки. Вместе со всеми сородичами попрыгали они в лодки и отплыли на середину реки. Следом летели горящие головёшки, словно страшная Хоседэм швыряла вдогонку свои проклятия в виде горящих сучьев. Пожар тогда бушевал много дней, продвигаясь вдоль берега, пока не пожрал всё. Шаманы выпросили дождь, и огонь погас – Есь залил всё новым дождём. Много забрала себе Хоседэм всего, только людей не тронула. Плохие времена наступили для Шалгу и его сородичей. Пришлось перебираться на другое место подальше от пожарища. Делали новые чумы, налаживали жизнь. В другом месте пришлось делать новые кулёмы, плашки, мастерить черканы, ловушки для ловли белки, соболя, горностая. Тогда-то и стал учиться Шалгу делать луки, мастерить лодки. Быстро освоил секреты искусства, потом только сам оттачивал своё мастерство. Учился варить осетровый клей, выбирая нужные хрящи, воздушные пузыри, другие части рыбы. Научился выискивать нужные берёзы и лиственницы, из которых делали луки и черканы, подбирали ели для изготовления лыж, тонких, лёгких и очень прочных, искал толстые осины для лодок-веток. Не всякое дерево подходило для работы: то сучьев много, то гнилое внутри.

Шалгу долго сидел у костра. Разные мысли роились в голове, словно осы возле осинового шара. Все уже улеглись в большом шалаше, сделанном из больших веток, накрытом кусками бересты и свежим лапником. Нюнням тоже сидел поодаль и курил свою трубку – он не мог оставить отца одного. Нюнням заметил, что Шалгу всё чаще стал задумчиво сидеть в одиночестве. Что-то мучило старика в последнее время. А спросить было непозволительно для сына, молод ещё.

Только дождь, налетевший с первыми порывами ветра, заставил Шалгу пойти в шалаш. Гроза началась не сразу. Ближе к ночи загрохотало и засверкало. В отблесках молний косые потоки воды просто лились с неба. Сильно сердился Есь, много шума

сделал. Ближе к утру всё стихло, и только ровный и уже тихий шёпот дождя шелестел в листьях, нагоняя сон.

Утром третьего дня продолжили путь. Останавливались, отдыхали день-два и снова двигались вверх. Только через десяток дней показались чумы родного стойбища. Собаки встретили их дружным лаем, а потом с виноватым поскуливанием провожали до самого стойбища. Прибежали ребятишки. Стайкой птичек они порхали с места на место, громко гомонили. Помощи от них немного, только шум. Вышли встречать те, кто оставался в стойбище: женщины, подростки да старики немощные. У мужчин много дел и вдали от женских юбок. Кто ремонтировал котцы (ловушки для рыбы), кто готовился к охотничьему сезону и собирал снаряжение. Подростки рыбачили, охотились на птицу, набирающую силу. Женщины занимались домашними делами: шили одежду, выделывали рыбы шкуры, смотрели за детьми, готовили еду. Скоро начнётся котцевый сезон. Нужно будет наловить, навялить и засушить много рыбы, перетереть сушёную рыбу на муку (порсу), натопить рыбьего жира – первейшее лекарство зимой, а она длинная. Ещё заготовить луковиц сараны, листьев брусники, шиповника да разных трав. Все эти припасы хранятся в мешочках из кожи рыб, мягких и непромокаемых, и в берестяных коробах, чуманах и туесках, которые тоже делают женщины.

К вечеру в стойбище пришли все. Собрались возле костра, приготовились слушать, хорошо ли удался торг. Когда Чалык стал вытаскивать товары и раздавать подарки, люди заулыбались, довольные хорошей торговлей. Хорошо, что есть много хлеба, табака, чая. Не скучно будет слушать разные истории в сезон холодов. С кружкой чая да с трубкой хорошего табака всегда легче пережить суровые времена. Женщины разглядывали разные цветные материи, как белки цокали языками в знак одобрения. Будут у них новые красивые наряды. Иголки, нитки, разноцветные бусы, другие украшения вскоре разошлись по рукам, обретая своих хозяев. Новые медные котлы да чайники стояли рядом. В каждой чуме будет своя посуда. Привезли войлока, который нужен был для утепления чума, а ещё из него шили зимнюю обувь; сукно для одежды тоже понравилось. Всё было нужным и ко времени. Нескоро утомилось стойбище, обсуждая приятные события. Не часто радовались люди в этой тяжёлой жизни, не часто бывали праздники в стойбище.

Утром следующего дня всё было как обычно. Мужчины и женщины занимались своими делами. Женщины заготавливали ягоду, разные корешки, которые пригодятся потом, когда выюга будет выть за пологом чума. Мужчины готовились к охотничьему сезону. Скоро созреет орех, потом заготовка рыбы. На каждый день свои заботы.

Шалгу некоторое время сидел у костра, курил, потом поднялся и позвал сына.

– Нюнням, собирайся, пойдём, – старик зашёл в чум, взял свою котомку, накинул на плечи и направился в лес. Младший сын, не спрашивая ни о чём, взял лук, стрелы, свой мешок и пошёл следом. Чур последовал за хозяином. Сначала он плёлся позади, но потом, словно стряхнув с себя лень, обогнал отца с сыном и исчез в лесу. Охотники уже шли половину дня. Отец впереди, по одному ему ведомой тропе, сын позади на небольшом расстоянии, чтобы не мешать старику и не раздражать его. Шалгу неожиданно остановился, посмотрел по сторонам, присел на валежину.

– Ночевать будем здесь, – сказал старик. Нюнням стал готовить шалаш. Через некоторое время всё было готово. Стоял балаган, крытый лапником, горел костёр. Нюнням с котелком пошёл в распадок, чтобы набрать воды. Когда вернулся, то увидел, что старик так и сидит на прежнем месте, раздумывая о чём-то своём. В котелке заваривался чай из кореньев, листьев и ягод. Нюнням вытащил несколько сушеных рыб и лепёшки. После обеда юноша собрался поохотиться возле стоянки, порадовать старика свежим мясом, но Шалгу неожиданно сказал:

– Не ходи. Сегодня не надо. Все дела утром, а пока отдыхай.

Сын улёгся на приготовленный лапник и стал смотреть на огонь, Чур рядом свернулся калачиком и спрятал нос от мошкары, которая подлетала и к костру. Нюнням впервые был

здесь. Догадывался, куда они пришли. Священные места – мольбища находились далеко от стойбища, чтобы лишний раз без дела не беспокоить духов. Только перед сезоном охоты приходили сюда охотники и просили у духов хорошей добычи и удачи. Ещё не время для охоты, но сейчас нужно было все здесь привести в порядок, очистить мольбище от травы и веток. На мольбищах было множество разных фигур духов, которые вырубались из частей дерева в виде человеческой фигуры. Это были грубо высеченные части головы и лица. Иногда бревно высотой в два-три человеческих роста имело на конце человеческую голову, вырубленную топором. Таких фигур на родовом мольбище могло быть несколько десятков. Чем больше, тем лучше. Каждую весну и осень их добавляли, делали и высокие, и маленькие. Аккуратно прислоняли их к специальным опорам.

Нюнням знал, что ему предстоит вырубить несколько фигур духов, которые будут помогать ему на охоте, на рыбной ловле, во всех его последующих делах. Они принесут ему удачу, хорошую добычу. Ещё Нюнням надеялся, что духи помогут Шалгу найти хорошую жену для него. Юноша знал, какую он будет делать самую главную фигуру, как он не только пальмой, но потом и ножом станет придавать красоту своим духам, и они отплатят ему добром. Размечтавшись, он и не заметил, как сон сморил его.

Утром Нюнням свалил сосёнку и стал разрубать её на части. Получилось три хороших заготовки для божков. Юношу никто не учил делать фигуры, но словно какая-то непонятная сила водила его рукой. Лезвие аккуратно выбирало лишнее дерево, оставляя только необходимое. Сколько прошло времени, Нюнням не помнил, но когда все три фигуры были готовы, солнце уже покатилося к макушкам сосен. Шалгу сидел у костра и курил свою старую, как и он сам, трубку. На костре в котле варился глухарь. Пока сын, словно заколдованный, делал своё дело, Шалгу походил вокруг и подстрелил птицу. Глухарь бродил вдоль ручья, выискивая камушки, и не услышал, как старик подошёл на полёт стрелы. Шалгу не потерял охотничьих навыков, хватало ещё силы в руках. Пронзённую птицу старик принёс к костру, снял мешком шкуру вместе с перьями и отдал собаке. Все потроха, сердце, печень и желудок, самое вкусное, старик отнёс своим божкам, тем, которых делал сам, которые всю жизнь помогали ему. Шалгу нравилось, что его младший сын так старательно делает своих божков. Значит, есть в нём какая-то сила, которую заметили «хозяева леса, реки, животных и птиц». Значит, будет у него удача. Хорошим охотником станет Нюнням. Дух всех животных Койгусь будет помогать ему. В этом году Шалгу пойдёт на охоту вместе с младшим сыном. Пока нет у него жены, некому помочь ему. Но через год найдёт Шалгу жену сыну, будет сын охотиться своим чумом, будет и отцу место в чуме сына, будет старик зимой греться у чувала и слушать рассказы охотников, а летом, как старый кобель, сидеть и греться на солнышке да, пока слушаются руки, мастерить луки и ловушки.

Утром отправились в обратный путь. Немного не доходя до стойбища, Шалгу свернул на закат солнца и пошёл по гребню скалы. Когда стемнело, Шалгу остановился, осмотрелся. Нашёл старый шалаш и стал поправлять его.

– Я делал его давно, но он ещё целый. Здесь у нас с тобой есть одно дело. Завтра закончим и пойдём в стойбище.

Старик улёгся в шалаше – устал. Нюнням сварил только чай, есть не хотелось.

– Ты думаешь, зачем старик привёл тебя сюда?

Сын кивнул головой.

– Здесь самое хорошее место для духа реки. Он помогает нам жить, надо сделать ему глаза, пусть смотрит на реку, пусть видит, когда людям трудно, когда нужна его помощь. Давно я присмотрел место, только не мог сделать всё как надо. Искал того, кто сможет. Вчера посмотрел, как ты делал духов, понял: ты тот, у кого всё получится.

– Я буду стараться, – кивнул сын.

Едва рассвело, Шалгу тронул сына за плечо и позвал с собой. Они немного поднялись по склону и оказались на самой вершине. Перед ними открылся целый мир. Река

извивалась вдоль горы и, резко повернув, уходила в сторону. Далеко видно было блестящую водную дорогу. Она то пряталась среди леса, то снова искрилась в лучах восходящего солнца и уходила вдаль, где и терялась в зелени леса. Солнечные лучи, освещая всю излучину реки, раскрашивали её всё новыми яркими красками. Зрелище завораживало. Отец с сыном смотрели, не отрываясь, боясь упустить что-то важное.

– Пойдём, – сказал Шалгу. Он подвёл сына к огромной сосне, одиноко стоявшей на самой вершине. На этой сосне ты должен вырубить лик духа реки. Сделай это до вечера. Я пойду к шалашу, ты должен сделать это сам. Ты сможешь.

Нюнням взял пальму и размахнулся. Полетела щепа, словно жёлтые брызги. На срезах выступили капельки смолы. И стали проявляться черты лица «хозяина реки». Нюнням справился. Солнце ещё радовало теплом, когда последняя щепа упала на траву. Юноша, обессиленный, сел спиной к дереву, не решаясь посмотреть на своё творение. Так он и просидел, пока совсем не стемнело. Тогда он пошёл к костру, без сил опустил на приготовленный лапник и закрыл глаза.

– Ты хорошо сделал дело, – старик подал сыну кружку с горячим чаем. – Возьми, это тебе поможет.

– Я не знаю, достойно ли сделал. Посмотреть не решился.

– Завтра вместе посмотрим. Но я знаю, ты не испортил свою работу. Сейчас спи, завтра у тебя будут силы.

Шалгу опять закурил трубку. Он не ходил смотреть на то, что сделал сын, но по тому, каким сын пришёл к костру, Шалгу понял, что получилось как надо. Только хорошая работа забирает все силы. Теперь ещё меньше остаётся незаконченных дел, которые остались у старика. Давно Шалгу присмотрел это место, никому не говорил, хотел сам сделать лик, но каждый раз, когда он брал в руки пальму, силы покидали его. Несколько раз пытался высечь лик божества, но потом понял, что это должен сделать не он. Долго искал достойного, но только через много лет понял, что таким человеком оказался его младший сын. Шалгу был рад, что завтра он увидит то, о чём давно мечтал.

Они стояли рядом и смотрели на «хозяина реки». Казалось, что он улыбался им. Отец и сын оглянулись и увидели то, чему улыбался «хозяин реки». Там, далеко, всё расцвело новыми красками. Даже Чур, ничего не понимая, сел рядом с хозяином и тоже посмотрел вдаль.

К вечеру охотники вернулись в стойбище. Никто не решался спросить, куда они ходили – это было не принято.

3

Кутега вместе с другими женщинами стойбища делала печь для выпечки хлеба. Занятие несложное, но требующее достаточно времени и терпения. Печь обычно делали на берегу реки, где много камней и глины. Дети, крутившиеся возле матерей, натаскали крупного галечника, из которого женщины выложили основание печи. Крутой глиной выложили дно печи, чтобы оно было ровным, затем из деревянных веток и прутьев сделали свод. Когда печь приняла нужную форму, принесли жидкую глину и забросали ею ветки – получился глиняный свод, который аккуратно обмазывали и изнутри. Сооружение некоторое время просушивали на солнце, замазывали маленькие трещины и снова сушили. Кутега осмотрела печь и осталась довольна; к тому времени дети натаскали дров. Сначала женщина разожгла небольшое количество мелких веток, подождала, пока они прогорят, только затем наложила хороших дров и пошла заводить тесто. Вокруг печи расселись любопытные и смотрели на пламя. Огонь всегда завораживал не только детей, но и взрослых. Такая сила в нём, такая тайна, что только диву даёшься. В огне и жизнь, и еда, и страх, и гибель. Но без огня не проживёшь.

Тесто замешивали в больших берестяных чашах, которые были специально для этого и сделаны. Кутега вымешивала тесто, остальные женщины стойбища сидели рядом, готовые

в любую минуту и помочь и, если нужно, заменить. Тяжёлая работа – вымешивать тесто на всём стойбище. Женщины работали молча, только изредка перекидываясь небольшими замечаниями. Нельзя делать дело и заниматься пустыми разговорами. Для этого ещё будет время, впереди долгая зима, когда мужья уйдут на промысел, женщины будут вместе с малыми ребятами коротать длинные, холодные вечера за рукоделием – вот тогда и наговорятся.

Готовое тесто разделили на лепёшки и поставили отдыхать, дожидаться, когда прогорят дрова. Когда печь прогрелась, Кутега выгребла угли, оставив только белый пепел, на него и будут выкладываться лепёшки. Хлеб в печь клали маленькими деревянными лопатками, выструганными из осины. Равномерно разложив лепёшки, Кутега закрыла отверстие специальной деревянной крышкой. Осталось только ждать. Это ожидание было особенно томительным, потому что печь была новой, и никто не знал, что за хлеб из неё выйдет. Прошло время, и Кутега осторожно вытащила первую лепёшку. Высокая, поджаристая, душистая, она околдовала всех. И женщины, и дети затихли. Постепенно лица расплывались в улыбках. Удалась печка – хороший хлеб выпекает. Нечаянная, мимолётная радость, но сколько ещё будет разговоров по вечерам. Каждый раз, выпекая хлеб, будут вспоминать этот самый первый опыт.

Нюнням, словно неприкаянный, слонялся по стойбищу. Другие мужчины ушли готовить котцы, загородки в реке для ловли рыбы. Осенью, когда начинает опадать листва, рыба с малых речек скатывается в Туманшет, на ямы. На устье речушек еловыми кольями перегораживали русло, делая узкий лабиринт, по нему рыба выходила в загородки, откуда её черпали прямо саками. Котцы за лето портились, и перед сезоном мужчины из стойбища ремонтировали загородки, меняли сломанные и сгнившие прутья. Народу там хватало, и Нюнням не стал мешаться. К вечеру он взял Чура и пошёл посмотреть прошлогодние ловушки на белку и соболя. Белку ловили плашками, кулёмами и черканами. Плашки и кулёмы работали одинаково, только кулёмы были больше, и груз, которым придавливали зверька, был потяжелее. В кулёмы ловили соболей, белки попадались редко, зато они хорошо ловились плашками. И шкурка не портилась. Черкан – это настороженный лук, только стрела в нём была своеобразная. Вместо острого наконечника у неё была рамка, которой и прижимало зверька к земле или к дереву. Черкан настраивался у дупла или норки, где обитали белки, горностаи, колонки.

Нюнням решил не болтаться без дела в стойбище, а проверить свои ловушки. На этом участке тайги раньше охотился Шалгу, но он стал старый и редко ходит на охоту один. Только когда Чалык с семьёй собирается на промысел, тогда и Шалгу с ними идёт, и Нюнням – у него нет ещё своего чума. Вот когда у него будет жена, тогда будет и свой чум. Шалгу сказал, что через год будет искать жену для Нюнням. У них в роду жён брали в других стойбищах, даже у других народов. У брата Чалыка жена из карагасов. Кутега – хорошая хозяйка, всё умеет делать. Она лучше многих женщин из их стойбища. Шалгу будет искать жену Нюнням тоже из карагасов. Он хочет, чтобы и у младшего сына была хорошая жена. Нюнням будет хорошо стараться на охоте этой зимой. Много белок надо добыть, хорошие подарки надо дать за невесту. Пусть все знают, что Нюнням – добрый охотник. Хорошему охотнику нужна и жена добрая.

Ровесников в стойбище у Нюнням не было. Были старшие, были младшие. Много охотничьих навыков он постиг сам. Старшие его не брали с собой, а с младшими самому нет желания ходить, вот и охотился один. Добывал уток, глухарей. Уток бил из лука, а на глухарей и косачей настраивал слопцы, специальные ловушки, ловил птицу и на ямы. Всему этому научился сам, подглядывая за взрослыми. Но когда он совсем ещё мальцом притащил в стойбище глухаря с себя ростом, Шалгу сказал:

– Охотник. Будешь ходить со мной.

Многому научил сына Шалгу, но самое главное – научил понимать тайгу, слышать лес, каждый шорох, треск, различать звуки. Научил стрелять из лука: острой стрелой по птице, зверю и тупой – по белке. А ещё научил Шалгу делать разные стрелы. Летят утки

над водой и не думают садиться, так Нюнням пускает специальную стрелу, которая издаёт крик хищной птицы. Утки камнем падают на воду. Не каждый охотник может взять утку с воды. Она может нырнуть и появиться совсем в другой стороне. Пока утки на воде крутят головами, выискивая опасность, хороший стрелок уже подстрелит несколько штук, только доставай, а для этого есть собаки. Вот специальные стрелы – это уже секрет Шалгу. Берётся тупая стрела, а на конце высверливается небольшое отверстие. Секрет в том, какой величины отверстие и под каким углом оно просверлено. Старик знает много разных звуков, которые может испускать стрела в полёте.

Нюнням по пути настроил несколько ям на глухарей. Наложил тоненьких веточек на яму, посередине положил гроздь вызревшей рябины. Глухарь ходит по тропинке, выискивает камушки, увидев рябину, идёт за ней и проваливается в яму, из неё самостоятельно птица не выберется. Юноша настроил несколько слопцов-ловушек для ловли птиц. Ловушка для глухаря похожа на кулёму, так же придавливает птицу, как и кулёма соболя.

Нюнням успел ещё поправить несколько плашек, когда стало темнеть. Приготовив себе постель из лапника, он развёл костёр. Есть не хотелось. Можно было и не разжигать огонь: ночи были ещё тёплые, но у костра лучше думается. Мысли улетели в следующее лето. На лодке-илимке они опять спустятся в Пеленгуты, там будут искать невесту. Может, придётся ещё куда-нибудь ехать. Или возьмут лёгкую лодку-ветку, которая может служить и волокушей, в неё много можно положить подарков. А потом на лодке по реке и сплавляться. На лодке хорошо, рули понемногу – и всё. Обо всём передумал Нюнням, только не мог представить себе, какая у него будет невеста. Каждый раз, когда он пытался представить себе девушку, перед глазами появлялось лицо вредной девчонки из стойбища, которую звали Тега. Она была немного младше, но всегда посмеивалась над ним. Отлупить бы её, да только кто будет с девчонкой связываться? Приходилось терпеть. Незаметно Нюнням уснул. Всю ночь снилась Тега, которая показывала ему язык. Во сне он отмахивался от неё так, что преданный Чур, недоумённо разглядывая своего хозяина, отодвинулся от него.

Утром охотник направился дальше в обход своего участка. До вечера были проверены и поправлены все ловушки. По пути Нюнням добыл себе на ужин пару рябчиков. Ночёвку на этот раз устроил у ручья. Сварил чай, на углях зажарил рябчиков. Достал лепёшку, испечённую Кутегой, поделился с собакой. Сытому человеку и мысли приходят хорошие. Юноша опять размышлял о невесте. На этот раз сон сморил его быстрее и спал он спокойнее. В стойбище Нюнням вернулся через несколько дней, притащив связку пойманных глухарей, птиц было более десятка. Дома его встретили одобрительными возгласами. Особенно радовались мальчишки, будущие охотники. Вечером всё стойбище лакомилось мясом птицы, запивая бульоном. За лето надоела рыба, хотелось и мяса. Косточки бережно собрали и закопали в лесу. Люди верили, что кости пригодятся для новых птиц.

– Ловушки проверил? – спросил Шалгу сына.

– Да.

– Много сломанных?

– Нет, не много. Я подправил все, скоро надо будет новые ставить.

– Я так и подумал, что ты делом занялся. Я собрал тебе новый лук. Ты уже совсем мужчина.

– Где лук? – улыбка расплзлась по лицу охотника.

– Завтра покажу, потом и испытаем тебя.

Чалык сплавился на лодке-ветке вниз по течению. Полдня ушло на дорогу. Только там, куда он приплыл, находилось место, где ловился осётр. Здесь было самое удобное место для самоловов: это длинный шнур, на который привязывали поводки с большими, крепкими и очень острыми крючками, протягивали их через реку и чуть притапливали. Осётр натывался на крючья, запутывался всё больше, собирая их на себя, крючья

вонзались в тело, рыба была обречена. Самоловы нужно проверять часто, если рыба «уснёт» в воде, она становится ядовитой, её нельзя давать даже собакам. Осётр – редкая рыба в Туманшете, немного её заходит из Бирюсы, видно, маловата река для такой рыбы, нет ей простора. Только в низовье реки и бывает она временами. Мясо белое, вкусное, так и тает во рту. Но на еду специально не ловили – мало осетра в Туманшете. Ловили щуку, налима, окуня, было много хариуса, ленка, тайменя. Эти благородные рыбы не хуже, только нет в них такой икры, как в осетре. Ловил Чалык осетра по просьбе Шалгу. Старик варил из внутренностей этой рыбы клей для изготовления луков. Клей можно и купить летом на торгах, его привозили из низовья Бирюсы, да только Шалгу использовал клей, который делал сам. Даже Чалык, его старший сын, не знал секрета изготовления клея, ни к чему. Старик видел, что Чалык не интересуется этим ремеслом, потому и не открывал секрета. Верил, придёт время и найдётся ученик, которому понадобятся его знания.

Чалык поставил самоловы, приготовил место для ночлега. Собрал удочку и стал ловить кузнечиков, стрекотавших в траве. Вечернее солнце плескалось в быстрой прибрежной струе воды, затем вместе с потоком влетало в омут и расплзлось волнами на всю ширину реки. Насадка полетела в самый конец струи, и только коснувшись воды, как большой чёрный хариус, с длинным широким крылом во всю спину, украшенным разноцветными точками, схватил её так сильно, что Чалык едва не выронил гибкое черемуховое удилище из рук. Рыба взмыла в воздух, кувыркаясь, и упала на гальку, прямо у ног рыбака. Чалык откинул её ногой подальше от воды и сменил насадку. Скоро у него было с десятков крупных рыб, больше ловить не стоило. Хариус – рыба вкусная, хорошая, но быстро портится. Её сразу надо вялить или морозить. Чалык вырезал несколько прутьев, насадил рыбу и поставил к углям. Рыба, приготовленная на рожне, так называется этот способ, сочная и нежная. Когда во время листопада хариус спускается с малых рек, наступает пора ловить его котцами. Тогда в стойбище праздник. Несколько дней подряд готовят хариуса на рожне, потом вялят, сушат.

Чалык стал жарить всю выловленную рыбу. Несколько штук он съест сейчас, а остальные оставит на завтра. Если будет удача и ночью попадутся осётры, то прямо с утра он отправится в стойбище, а если нет, тогда ещё придётся оставаться на ночь.

Крупные капли росы с прибрежных кустов звонко шлёпались в воду. Влажные листья блестели и искрились. Крупный песок сердито шуршал под ногами. Чалык попил свежего чая, сваренного из листьев смородины и малины. Веточки срывал вместе с перезрелыми ягодами, добавил и размельчённые ягоды шиповника. Речная вода, сдобренная утренней росой, делает чай особенно вкусным и полезным. После завтрака Чалык спустил ветку на воду и поплыл проверять самоловы. Ночью ему показалось, что он слышал всплески воды там, где стояли снасти. Сквозь сон снова слышал шлепки по воде, но в темноте не поплывёшь проверять крючья: опасная штука – самолос. Неосторожное движение – и рыбак может оказаться на месте рыбы. Бывали случаи, что неопытные рыбаки и погибали, запутавшись в снастях. Четыре осетра попались на крючья, этого должно хватить Шалгу для приготовления клея. Переложив рыбу мокрой травой, Чалык сложил снасти в мешок и отправился в обратный путь. Там, где вода была быстрая, приходилось тащить ветку на верёвке, по тихой воде можно было плыть. Чалык торопился, чтобы не испортить рыбу да порадовать Шалгу. Старик затеял сделать несколько луков, он уже собрал детали, теперь ему нужен был клей. Можно было сварить клей из другой рыбы, но он был бы с запахом и не прозрачный, а из осетра клей выходил такой, какой требовался. Теперь старик будет доволен. Уже стемнело, когда Чалык увидел костры своего стойбища. Дружным лаем его встретили собаки.

Шалгу распотрошил осетров. Вырезал плавники, хрящи, забрал внутренности, мелко порубил и бросил в небольшой котёл. Налил немного воды. Вытащил воздушные пузыри, промыл их и тоже бросил в котёл. Когда вода в котле закипела, старик поставил котелок рядом с огнём, чтобы клей варился на малом огне. Уже давно съели приготовленную женщинами рыбу, все поделились впечатлениями, похвалили Чалыка за добычу. Уже

затихло стойбище, а Шалгу всё «колдовал» над своим варевом. Он добавил какие-то порошки, хранившиеся в специальном кожаном мешочке, помешивал клей палочкой, посматривая, как тянется тонкая ниточка клея с палочки. Потом старик снял котелок с костра, поставил в сторону и накрыл старой шкурой. К утру клей будет готов. Завтра Шалгу склеит лук для Нюннiam. Хорошо, что его нет в стойбище. Младшему сыну нужен самый лучший лук, и Шалгу сделает такой. Старик видел, как Нюннiam интересуется всем, что делает Шалгу. Ничего не спрашивает, просто смотрит и запоминает, старается понять суть. Вот ему и передаст свои секреты старик, но не сейчас, а когда у сына будет свой чум. Только тогда можно показывать всё, что знает и умеет Шалгу. Впереди сезон охоты, значит, ещё есть время подготовиться и лучше присмотреться к сыну. В этот сезон Шалгу сам пойдёт с сыном на промысел. Когда будет время, старик понемногу начнёт рассказывать всё, что знает. Много секретов у Шалгу, да только молчит он пока – не время.

Утром Шалгу склеил лук, связал в нужных местах полосками вымоченной сыромятной кожи; когда она высохнет, ничем её не порвёшь, повесил лук сушиться в ветках старой берёзы, чтобы тот был в тени и никто его не видел. Разный глаз у людей. Лук ещё не набрал силу, чтобы противостоять дурному глазу. Для тетивы давно были приготовлены медвежьи жилы, только не было случая использовать их. Много луков сделал Шалгу, но на них ставил жилы оленей, лосей, а медвежьи всё не решался, теперь пришло время. Завтра этот лук будет передан самому достойному в стойбище, его младшему сыну. Так решил он, как отец, а самое главное, как мастер.

Лук получился большим, больше, чем у любого охотника не только в стойбище, но и по всей реке. Такого больше Шалгу не будет делать, другие будут тоже хорошие, лучше многих, но не этого. Все мужчины стойбища вертели его в руках, разглядывали, примерялись. Оружие понравилось всем, но только один счастливчик будет владеть этим сокровищем. Нюннiam сиял, как начищенный речным песком новый котёл. Ему не терпелось скорее опробовать лук. Но разве может показать охотник своё нетерпение. Он рассмотрел лук и протянул его отцу. Первым должен показать свою работу мастер. Шалгу взял лук, стал разглядывать, словно не он его делал. Выискивал изъяны. Потом взял стрелу и выпустил в одиноко стоявшую лиственницу. Лук фыркнул, стрела зашелестела и воткнулась в середину дерева. Нюннiam взял лук и выпустил свою стрелу. Едва не задев стрелу мастера, он вогнал свою рядом. Охотники одобрительно закивали головами. Острый глаз у юноши и крепкая рука. В хорошие руки попал лук, много добычи принесёт он владельцу. Шалгу подал сыну колчан со стрелами.

– Осторожно, стрелы пропитаны ядом. Можешь охотиться на зверя. Для белок дам другие, когда придёт время. Шалгу делал яд сам для всех охотников стойбища. Ему просто приносили стрелы, а старик пропитывал наконечники в яде, который делал из пропавшей рыбы.

– Спасибо, – только и вымолвил счастливый юноша. – Давно я мечтал о таком.

– Не опозорь мастера, – сказал Чалык.

– Не опозорю.

Шалгу зашёл в чум и до самого вечера не выходил, не было сил. Только вечером он вышел к костру, пил чай и бесконечно курил свою трубку.

Недолго до листопада осталось. Отсверкали звездопадами тёмные августовские ночи, пожелтели берёзы, разругмянились осины, потемнели ели и сосны, зазолотились лиственницы. Постоит так немного, порадуется теплом, а потом налетит холодный ветер с дождём и снегом, размочит да сорвёт листву, обнажит деревья. Нечем будет прикрыться тоненьким стволам берёз и осин, и будут сгибаться они под порывами ветра, пока не укроет их снегом зима.

Пока не наступили эти дни, нужно сделать ещё много дел. Шалгу вытащил лыжи и стал осматривать камус. «Нужно сделать ещё пару новых, – решил старик, – пригодятся».

Ещё весной по снегу Шалгу нашёл и спилил добрую елку: волокна ровные, без кривинки. Надрал дерёва (так называют заготовки для лыж), собирался раньше сделать, да не получалось всё, теперь есть время. Лыжи сделать недолго. Выстругать дерёва потоньше, разварить концы да загнуть, потом подобрать да поставить камус, чтобы легко было по снегу ходить. С хорошим камусом лыжи не катятся назад. Камус снимают с лосиных и оленьих ног, с оленьего шьют себе обувь, а лосиные годны для лыж. Нужны ещё и лыжи-голицы, бегать весной по насту. Надо торопиться. Незаметно пролетает время, словно журавлиный клин: не успел вовремя заметить, так только и останется провожать взглядом. Торопится жизнь, торопится.

Наступило время, когда можно «лучить» налима и щуку. Перед листопадом вода в реке становится холодной и прозрачной. В это время можно добывать налима и щуку острогой. Правда, щука более пуглива и попадает редко, а вот ленивый и сонный налим – добыча хорошая. Для этого на нос к ветке прикрепляют шест с железной корзиной, в неё накладывают смолёвых щепок и поленьев: смольё горит ярко, без треска и лишнего дыма, просвечивая воду до самого дна. И видно, как возле камней стоят и отдыхают огромные рыбины, едва пошевеливая хвостами. Острога, закрепленная на длинном шесте, готова к работе.

Чалык поплыл лучить с братом. Нюнням сидел на вёслах, его задача - управлять лодкой, стараясь не плескать вёслами по воде и не пугать рыбу. Дело привычное, лучить все научены с ранних лет. Чалык взял острогу не потому, что не доверял брату, просто самому хотелось немного отличиться, показать брату, что он старший и тоже хороший добытчик. Дело пошло сразу. Первым же ударом Чалык выхватил из воды здоровенного налима. Только пару раз промахнулся рыбак. Но к тому времени рыбы в лодке было уже много.

– Попробуешь? – предложил Чалык брату.

– Давай, – осторожно поменявшись местами, братья продолжили ловлю, пока ещё достаточно горело смольё. Нюнням также уверенно стал выхватывать налимов. Младший брат был немного повыше старшего, но худой и жилистый. Единственное, что в нём было не такое, как у всех, так это его поведение. Охотники и так не сильны в красноречии, но Нюнням говорил совсем мало. Неделями мог не произнести ни одного слова. Чалык пытался иногда поговорить с братом, но тот только кивал головой и слушал, отвечая одним или парой слов. Вот и все разговоры. Такое поведение, конечно же, достойно мужчины, но не настолько же. Всё же Чалык любил брата, может, и за то, что он такой молчаливый и самостоятельный. Жена Чалыка Кутега много раз пыталась разговорить Нюнням, но он только улыбался и кивал головой.

– Как ты будешь говорить со своей женой? – спрашивала Кутега. – Так и будешь кивать? От тебя жена сразу убежит, – Нюнням краснел, поднимался и уходил.

Огонь в корзине догорал.

– Поплыли домой, – сказал Чалык и стал разворачивать лодку к берегу.

Нюнням сел, перевернул корзину с догоравшим смольём. Угли на мгновение зашипели, словно гуси, а потом, едва дымясь, поплыли по течению, вскоре и дымить перестали. Нюнням окунул корзину в воду, остудил её и положил рядом с собой. Лодка, как привидение, не издавая ни звука, понеслась к берегу.

Пролетели первые утки. Скоро и остальные птицы тронутся в путь. В этот период все мужчины собираются промыслять птицу не поодиночке, а всем стойбищем. Не много есть мест в округе, где садятся утки на отдых и кормёжку. Ниже по течению Туманшета есть заливные луга, на которых раскинулись небольшие озёрца да лужи, там и нужно ждать птицу. На реку утки редко садятся и то в тех местах, где тихая вода. И как искать по реке добычу, когда размеры реки необъятны?

На лодках-ветках охотники отправились на сезонный промысел. Несколько дней, пока не закончится пролёт, они будут жить и охотиться на озерах. Вот здесь и понадобится умение пользоваться луком и стрелами. Вот здесь и видно, кто какой охотник. В стойбище все мужчины достаточно хорошо владеют этим оружием, учатся с детства. Когда утки начинают кружить над озером, высматривая опасность, запускается стрела томбр, выпускающая в полёте звук пернатого хищника, – специальная стрела с утолщением на конце, просверленным особым образом. Тогда все утки падают на воду. Вот здесь и показывают своё умение обращаться с луком охотники. Когда пролёт уток закончится, скорее надо везти добычу в стойбище. Женщины уже ждут: нужно всё мясо переработать, чтобы ничего не пропало. А охотники уже готовятся к пролёту гусей. Эту птицу добывают на тех же озёрах и лужах. Высаживают чучела гусей, вблизи которых садятся настоящие, тут уж не зевай.

Наловили рыбы котцами, по всему стойбищу расставили вешала, на них крупная рыба вялится, а мелкая сушится, потом сушёную перемелют на порсу (муку из сушёной рыбы). Много нужно муки, зима длинная. Неизвестно, будет ли мясо ещё. Даст бог Есь удачи, или старуха Хоседэм покажет свою силу и распугает всю добычу, не разгневается Койгусь да не разгонит всех зверей по тайге, а с порсой можно коротать длинные зимние вечера, добавляя в муку или заваривая её с кашей. Старики помнят времена, когда порсу толкли вместе с корой, чтобы дожить до весны, было и такое. Вяленой рыбы тоже много надо, её едят не только сами, но кормят собак, когда лютые морозы не дают высунуться из чума. Бывает, что в котцы и зимой заходит рыба, тогда делают прорубь и саками вычерпывают её прямо на лёд. Рыба тут же замерзает, и её собирают в мешки. Хороша зимой похлёбка рыбная, которой запивают куски мяса, да хороши большие щучьи головы, сваренные в котле. Но до морозов ещё далеко, есть время подготовиться.

– Завтра пойдём на гору, – сказал Шалгу Чалыку. – Передай всем. Пусть никуда не уходят.

– Я прямо сейчас и пойду, – сказал Чалык и вышел из чума.

Охота на зверя – дело общее. Здесь нужны загонщики, чтобы гнать зверя прямо в приготовленную яму, стрелки, которые не промахнутся. Работы много, а добыча не всегда радует охотников. Неглупое животное олень, а лось может и постоять за себя. Если разозлится, тогда попробуй останови его. Нужно много людей. Но самая главная помощь должна быть от бога Етя. Настало время просить его об этом.

– Где Нюнням? – спросил старик Кутегу.

– Он и так в чуме не бывал, а теперь с новым луком, я и забыла, как он выглядит. Женить его пора, – добавила она. – Может, и остепенится.

Шалгу не любил болтливых людей, и женщин в том числе. Но Кутеге он прощал всё: она одна заботилась обо всех в чуме, потому что у неё руки работали ещё быстрее, чем язык. А когда у женщины не стоят на месте: еда варится в котле, в чуме горит огонь – пусть болтает, раз язык такой у неё скользкий и плохо держится на месте.

В стойбище зашумели. Кутега выглянула из чума и сказала:

– Стоило вспомнить, и явился Нюнням.

Шалгу вышел из чума. Посреди стойбища стоял Нюнням, у ног его лежал олень. Рядом, высунув язык, расположился Чур, он поглядывал на добычу и на хозяина, знал, что и ему достанется вкусное мясо. Он тоже причастен к этой добыче.

– В яму загнал? – спросил Шалгу.

– Нет, Чур выгнал прямо на меня, едва успел стрелу пустить. Хороший лук. Это он принёс удачу.

Кусок ещё тёплой печени Нюнням вручил Шалгу. Старик был рад подношению, но вида не показал, ни к чему. Так и должно быть. В стойбище был праздник – первая хорошая добыча в этом сезоне. Не забыл Нюнням и своего друга Чура. Долго горели костры этим вечером, слышны были разные охотничьи истории. Хорошо начинался сезон охоты.

Пришёл месяц замерзания земли. Скоро все разойдутся в разные стороны от стойбища в поисках удачи. Шалгу тоже пойдёт вместе с сыновьями. Но прежде надо сделать ещё одно главное дело. Утром Шалгу повёл всех охотников туда, где ещё недавно был с сыном. Теперь каждый будет просить удачи себе, а Шалгу будет камлать и просить духов помогать всем охотникам его рода. У них в стойбище не было шамана, и Шалгу выполнял его обязанности. Как самый старший и уважаемый охотник, он просил за всех и за каждого в отдельности. К вечеру добрались до места. Ночевать остановились в старом балагане. Попили чаю, выкурили по трубке табака и устроились на ночлег.

Утром каждый охотник стал обновлять старых божков и делать новых. Привязывали цветные тряпочки с пожеланиями на священное дерево, стоящее поодаль. Каждая тряпочка – сокровенное желание, про которое никто постороннему не расскажет. А вечером провели обряд камлания. Развели большой костёр. Охотники расселись по кругу и стали смотреть, как старый Шалгу стучит в бубен и выкрикивает заклинания. Так продолжалось долго, пока Шалгу без сил не рухнул на землю. Старика не трогали, пока он сам не поднялся и не пошёл в балаган. Никто не проронил ни слова. Немногословны охотники. Нюнням в первый раз присутствовал при ритуале, для других это было не ново. И каждый верил в силу заклинания и в призывный голос бубна. Потом, если и случалась неудача, то каждый винил себя, веря, что высшие силы не могут ошибиться и если что-то пошло не так, то виноват только сам охотник. Сидя у костра, охотники думали каждый о своём. Уже скоро всё стойбище разойдётся по тайге, а чтобы было легче, теперь каждый просил удачи, совсем немного. Ещё день охотники были на мольбище, месте, где без надобности никто не может появляться. Но когда приходится бывать здесь, никто не торопится уходить, каждый старается попросить обо всём - нельзя ничего не забыть.

Назад охотники шли впереди. Шалгу с Нюнням отстали от них: сын не мог бросить отца, а тот или не мог, или не хотел идти вместе со всеми. Отставать он стал сразу. Когда охотников не стало слышно, Шалгу сказал:

– Зайдём ещё к хозяину реки, посмотрим, как он живёт.

Нюнням кивнул, соглашаясь.

Уставший осенний лес молчал. Ни птичьего щебета, ни шелеста ветра в кронах огромных сосен, стрелами взметнувшихся в небо. Огромные деревья нехотя расступались, давая место едва приметной тропинке. Хоть и сердит лес, но хорошо в нём, спокойно. Нет тревоги, и дышится легко. Много дней можно идти и не устать. Только Шалгу, видно, отходил своё, ему нужен был отдых. Не мог он, как молодые, подниматься и идти много дней. Старик пытался не показывать вида, но силы быстро покидали его, и разные недобрые мысли всё чаще лезли в его седую голову. Однако он решил твёрдо, что в этот сезон он не будет поддаваться слабости, проведёт его, как поют последнюю песню. Надо. Много надо рассказать и показать сыну.

«Хозяин реки» встретил их улыбкой, словно удивлялся слабости старика или был просто рад единственным своим знакомым, посетившим его. Хорошо стало на душе у Шалгу. Добрый сегодня «хозяин реки», ласково встретил, значит, всё будет по-доброму. Старик даже взбодрился.

– Хороший день сегодня, – сказал Шалгу. – Нам здесь рады.

Отец с сыном присели на валёжину и стали смотреть в ту сторону, куда был направлен взгляд «хозяина реки». Пытаясь впитать в себя увиденное и понять то, что заставляет улыбаться изваяние, каждый из них поймал себя на мысли, что тоже рад разглядывать простор, расстилающийся перед ними. Невозможно охватить взглядом разноцветные дали, обильно украшенные осенью. Блестящая ленточка реки извивается, прячется в лесах и снова выбегает на простор редких лугов, раздваивается островами и снова соединяется и блестит, сияет серебром на разноцветной кайме тайги.

Утренняя изморозь украшала всё вокруг затейливыми кружевами. К полудню от инея оставались крупные прозрачные капли, искрившиеся на уже плохо греющем солнце. Лист упал, буро-жёлтым ковром устилая всё вокруг. Сосны и ели опустили ветви, смилившись

с наступающим холодом. Наступило время для изюбриного рёва, брачных боёв быков. Изюбры, лесные красавцы, целый месяц будут биться за право произвести потомство. Потом их сменят лоси. Охотники мастерили специальные дудки, для подражания рёву зверя. Изюбр шёл на зов, выбегая на поляну, чтобы сразиться. В это время он опасен. Его острые ветвистые рога не знают пощады. На это время зверь теряет страх и может напасть на зазевавшегося охотника, как на соперника. Лось, кроме рогов, использует и копыта. Ударом передних копыт может переломить небольшую берёзу. Даже медведь боится лося и старается нападать из засады.

Шалгу гудел в рожок, подзывая изюбра, он выводил замысловатые рулады изюбриного рёва. Где-то далеко отозвался бык. Шалгу ещё раз прогудел. Уже стал слышен треск сучьев: возбуждённый изюбр спешил на бой с соперником. Нюнням сжал лук, внимательно всматриваясь в заросли. Шалгу указал рукой место, куда должен выскочить бык, Нюнням согласно кивнул и приготовил ещё одну стрелу. Зверь выскочил на поляну и стал озираться, выискивая соперника. Первая стрела, выпущенная молодым охотником, проткнула шею, вторая застряла в передних лопатках. Зверь с диким рёвом взвился на дыбы и упал на спину, угодив прямо в яму-ловушку. Пока зверь летел, ещё несколько стрел других охотников вонзились в тело обреченного изюбра. На лицах охотников блуждали удовлетворённые улыбки. Все были довольны. Часто бывает, что совместная охота не заканчивается успехом. Охотники расслабились и стали готовиться вытаскивать добычу из ямы. Неожиданно на поляну выскочил ещё один красавец. Растерявшиеся охотники чуть не стали лёгкой добычей для быка. Только Нюнням, находившийся в стороне от ямы, выпустил стрелу. Она угодила изюбру в горло. Рядом воткнулась вторая стрела Шалгу. Опытный охотник среагировал быстро.

Вечером в стойбище был праздник: в котлах варилось мясо. Разделанное полосками оставшееся мясо сушилось на вешалах. Хорошо начался сезон, удачно. Новый охотник появился в стойбище. Хороший охотник – удача для всех.

Выпал первый снежок, небольшой, но сверкающий, праздничный. Полуденное солнце съест его в чистых местах, но в тени, в густых тёмных ельниках, он уже останется до весны. И пока снег не растаял, Нюнням пошёл посмотреть следы белок, находящихся поблизости. Охотиться ещё рано, шкурка негодная, но определить количество белки можно. Кто умеет читать следы, слушать и видеть лес, тот много чего узнает для себя. Чур облаивал белок, глупо вертящих головами на деревьях, не понимая, почему хозяин не реагирует на добычу. Не только белок увидел Нюнням, но и следы соболя. Не стал охотник пугать зверьков – могут уйти. Подстрелил Нюнням только пару глухарей, двух старых больших петухов. Охотник снял шкуры с птиц вместе с перьями, они пригодятся для приманки на соболей – кулёмы настораживаются на шкурку глухаря. Соболю-хищнику, любит птицу, которую и сам часто добывает. Свою добычу Нюнням сложил в небольшой лабаз, сделанный в районе ловушек. Лабаз делали на дереве, чтобы прятать от разного зверя необходимые запасы еды, если случится беда.

День клонился к закату. Нюнням направился в стойбище, довольный увиденным. До стойбища было ещё далеко. Вдруг охотник обратил внимание на странное поведение своей собаки. Чур скалил зубы, шерсть на загривке вставала дыбом, но он не лаял. Нюнням присел на колено и обнял собаку за шею.

– Что? – спросил он.

Чур скалил зубы и смотрел на небольшую кучу валежника. Нюнням стал всматриваться и вдруг понял причину такого поведения собаки. Там находилась медвежья берлога.

– Молодец, Чур, – погладил собаку охотник. – Молодец. Но ещё не время охотиться на медведя. Зверь ещё не совсем улёгся. Днём тепло, и надо подождать несколько дней, пока морозы станут сильнее и выпадет побольше снега. Нюнням снова придёт сюда, проверит, остался медведь или ушёл. Охотник вместе с собакой далеко обошёл это место, чтобы не спугнуть зверя, если медведь уйдёт сейчас, его не догонишь.

Уже в темноте Нюнням пришёл домой.
– Белка есть? – спросил Чалык.
– Есть. И соболь есть.
– Хорошо, – сказал Шалгу и, раскурив свою трубку, прищурился. То ли от дыма, то ли от своих мыслей.
– Завтра сети поставим, – сказал Чалык. – Уже есть закоски. Рыба стоит, сам видел. Закоски – это забереги; лёд, прихвативший воду там, где течения совсем нет.
Утром братья на ветке поставили сети вдоль прибрежного тонкого льда, накрывшего тихую заводь.
На реке начала появляться шуга, первый мелкий лёд. В чистых водах сибирских рек лёд образуется со дна, тонкими, колючими иголками поднимаясь вверх. Эти колючки беспокоили рыбу. Она заходила в тихие места под лёд, пережидая ненастье.
– Давай, – крикнул Чалык. Нюнням стал колотить длинной веткой по льду, разбивая его с треском. Сеть мгновенно побелела и стала тонуть. Чалык быстро вытащил сеть и поставил другую, чтобы не терять времени, вторая сеть тоже моментально оказалась полной. Из этого жирного ельца будут топить рыбий жир на зиму, первое лекарство от многих болезней, и ещё в этой рыбе много икры.
– Завтра ещё поставим сети, – сказал Чалык брату. Тот просто кивнул в ответ.

5

Первый снег как добрая новость, а уж хороший снег да морозец – так и вовсе широченная улыбка на лицах охотников. Пришла их пора. Радуются не только люди, но и собаки. Бегают по стойбищу, хватают пастью летящие снежинки и катаются по снегу, очищая шерсть. Вот и пришло время проверить: выходная белка уже или ещё рановато тропить свои пути, настраивать кулёмы, плашки и другие ловушки. Начинается сезон «малой ходьбы», сезон, когда женщины, дети и старики находятся в стойбище, а охотники осваивают ближние угодья. Те, кто в стойбище, особенно подростки, которых ещё не берут на настоящую охоту, ловят зайцев да бьют птицу, если улыбнется удача. И охотники не откажутся от глухаря или нежной зайчатины. Все заячьи шкурки идут на пошив одежды и украшения, их никто никогда не продаёт и не меняет, используют только для своих надобностей.

Нюнням завязал на голове платок, зимний головной убор охотника. В любой мороз охотники ходят в платочке, который совсем не защищает от холода, но позволяет слышать каждый шорох в лесу. При охоте на белок это очень важно: слишком много копошится она да шуршит, а на морозе каждый шорох разносится далеко, слушай да определяй место. Только когда совсем будет холодно, на лоб надевают сшитый из беличьих хвостов тёплый налобник.

Чур почуял работу, растревожился и с нетерпением крутился у ног хозяина. Снег неглубокий, можно ходить без лыж, так ещё и удобней. Бакари, обувь охотника с голенищами до паха, хорошо справляются и с большими сугробами, а по неглубокому снегу лучше нет обуви: легкая, тёплая, сшитая из шкур, она выручает охотника весь сезон. Чур первым рванул в лес, оглядываясь, проверяя, идёт ли хозяин.

«Пусть порезвится, – подумал Нюнням. – Скоро не будет снег зря топтать, нарабатается. Главное, чтобы куда не нужно не помчался раньше времени». Нюнням думал о берлоге. Интересно, залёг хозяин в неё или нет. Надо проверить. Но это ближе к вечеру. И собака подустанет, легче справиться с ней будет. Очень хотелось юноше добыть медведя. Не каждый охотник мог похвалиться победой над таким зверем. Те, кто добывал медведя хотя бы раз, были в почёте.

Право первого удара даётся тому, кто нашёл берлогу. Непросто сделать первый в жизни удар по такому зверю, как медведь. И даже не страх, а какая-нибудь неловкость, небольшое промедление может стоить очень дорого. Медведь не позволяет шутить над

собой и ничего не прощает. И Нюнням знает, что надо делать, хотя он ни разу не участвовал в такой охоте, но по рассказам охотников вечерами в сезон «длинных ночей» он досконально запомнил весь порядок охоты. Главное не дрогнуть и не совершить ошибку. А Нюнням не дрогнет. Когда знаешь, что надо делать, бояться нечего. Только бы медведь не ушёл.

Охотник направился немного в сторону, хотел добыть несколько белок и посмотреть, насколько выходная шкурка. Если мех не подошёл, придётся ещё подождать немного. Довольный Чур, словно понимая, что настало его время, залаял громко с привизгом, как лаял только на белку. Нюнням подошёл к огромной сосне и стал слушать и всматриваться, пытаясь определить место. Белка сама себя выдала. Шевельнулась, и свежие снежинки полетели вниз, раскручиваясь на лету. Фыркнула стрела, и зверёк, сбитый с ветки тупым наконечником, полетел вниз. Ошалевший, он даже и не сообразил, как попал в зубы собаке. Чур придавил зверька и положил рядом.

– Молодец, хороший, – Нюнням погладил собаку и поднял белку. Провёл по меху рукой, дунул на него. Мех оказался хороший. До полудня добыли ещё с десятка белок и повернули обратно. По дороге Чур облаял пару глухарей, которых Нюнням подстрелил, всё больше радуясь своему луку. Ободрав птиц, настроил попутные кулёмы на соболя, плашки и черканы на белку.

К берлоге подходили тихо, стараясь не шуметь и не спугнуть зверя. Совсем близко подходить не стоило – медведь чутко спит. Нюнням подозвал собаку, обнял её за шею и стал всматриваться в то место, где было логово, надеясь увидеть хоть какие-нибудь приметы присутствия медведя. Собака никак не реагировала, видно, снегом скрыло все запахи. Нюнням уже было собрался подойти совсем близко, но вдруг увидел, что на кустах у земли есть немного инея.

– Там. Там хозяин, не ушёл, – охотник завернул собаку и пошёл от берлоги. – Завтра можно будет смело приходить сюда с охотниками.

И Нюнням, совсем молодой охотник, будет добывать зверя.

– Пойдём, Чур, домой. На сегодня хватит. Ты молодец, хорошо поработал.

И они опять по кругу обошли берлогу и пошли в стойбище. По дороге Нюнням много раз прокручивал в голове свои действия, которые он должен будет предпринять завтра. Всё выходило гладко, осталось только прийти и добыть зверя.

В стойбище, уже при свете костров, Нюнням взял пальму, берёзовое древко, на конце которого привязан нож, шириной в ладонь и длиной в три ладони, заточенный с обеих сторон, подошёл к костру, где сидело несколько охотников, недавно пришедших со своих угодий и покуривавших трубки. Нюнням древком ударил о землю, а потом стукнул о землю луком. Следующим движением был несильный стук пальмы о лук. Все затихли. Охотнику понятен этот жест. Вслух говорить о медведе было запрещено. И этим жестом охотник говорил, что найдена берлога и нужна помощь. Все поняли, какая удача улынулась молодому охотнику.

Нюнням вошёл в юрту и положил добычу. Глухарей сразу забрала Кутега и пошла варить. Шалгу взял беличьи шкурки и стал разглядывать. Растягивал, встряхивал, дул на мех, клал одну, брал другую.

– Годные шкурки, можно добывать, – сказал старик. Ему уже было известно о берлоге, хотя об этом вслух никто не говорил.

– Завтра и пойдём. Погода подходящая. Лучшего не будет, – сказал старик, закуривая трубку.

– Хорошо, пойдём завтра, – кивнул сын.

В чум вошёл Чалык. Он тоже ходил, торил тропы в своих угодьях. Добыл немного белок. Шалгу пересмотрел и его добычу, определяя, а не рано ли охотники пошли за добычей, изьянов тоже не нашёл.

– Пора, – только и сказал он и добавил. – Завтра поможем Нюнням, а потом каждый пойдёт за своей добычей.

Вскоре в котле варилось мясо. Приятный запах щекотал ноздри. Кутега помешивала варево да подкладывала дрова. Нюнням сидел в своём углу и смотрел на огонь. Пытался что-то высмотреть в каждом языке пламени. И увидел много девичьих лиц, пытался определить, кто же будет его невестой. Но все девушки вдруг показали ему язык. Нюнням присмотрелся, а вместо разных лиц, везде было только лицо вредной Теги. Юноша отмахнулся и проснулся. Отец с братом рассмеялись. Только Кутега молча подала ему кусок горячего мяса и кружку с бульоном.

– Ешь, завтра будет трудный день, – сказала она. – Не слушай их. Они шутят. Юноша некоторое время сидел, не понимая, что произошло, чем ещё больше рассмешил мужчин. Потом съел мясо, выпил бульон и сразу уснул. Шалгу усмехнулся, а Чалык сказал:

– Умеет Нюнням спать, как дитя.

– Молодой ещё, – согласился Шалгу. – Придёт время, и ему будет не до сна.

Утро выдалось пасмурным, но не холодным. Охотники собрались посреди стойбища. В руках у некоторых были пальмы, у других только луки. Об охоте никто не говорил: курили, смотрели по сторонам, ждали, пока выйдет Шалгу и поведёт. Чалык тоже был среди всех. Только Нюнням со стариком о чём-то говорили в чуме. Старый охотник давал последние наставления. Смелость – это хорошо, но надо и дело знать.

– Мы жерди просунем в берлогу, чтобы он не выскочил сразу, а ты тогда не теряйся. Знаешь, что делать?

– Знаю, – ответил юноша.

– Пошли, – кивнул Шалгу. – Пора.

Отец первым вышел из чума, за ним сын. Нюнням шёл первый по праву нашедшего берлогу, за ним Шалгу. Остальные неторопливо шествовали следом. Собаки носились вокруг, чувствуя что-то необычное. Чур бежал впереди хозяина, изредка оглядываясь. Не доходя до места, охотники остановились, вырубili четыре хороших берёзовых жерди. К берлоге подходили тихо, чтобы до времени не спугнуть зверя, а то пойдёт по лесу, попробуй тогда его взять. Хорошо, если собаки посадят, а то попрёт по густому ельнику, собаки сразу отстанут. Потом будет блудить, вредить всем. Когда подошли совсем близко, собаки, как ошалели, кидались прямо в «чело», вход в берлогу. Чалык и ещё двое охотников быстро вставили жерди в «чело» наперекрест, чтобы не дать возможности зверю сразу выскочить. Надо задержать его на несколько мгновений, которых должно хватить охотнику. Нюнням, держа в руках пальму, стоял немного в стороне. Шалгу и Чалык стали шурудить жердями, стараясь поднять зверя. Медведь поначалу не реагировал, затем стал отбивать жерди лапой, потом зарычал. Собаки вились возле него, мешая охотникам. Один молодой кобель нырнул в берлогу: раздался визг, и сразу назад вылетело распластанное собачье тело. Никто даже не успел оттащить собаку, как показалась медвежья голова. Шалгу резко защемил жердь. Шея медведя на мгновение оказалась зажатой. Зверь взревел, оскалив клыки. Верхняя губа завибрировала, разбрасывая слюну. Маленькие серо-жёлтые глазки пронизывали насквозь, страх обволакивал холодной пеленой. Нюнням смотрел прямо в то место, куда нужно было нанести удар, пропуская всё остальное мимо себя. На какой-то миг движение замедлилось, и он с силой всадил пальму в шею медведя. Чур вскочил на холку зверя, вцепившись клыками. Рёв перешёл в дикий вой, и зверь стал осаживаться назад в берлогу. Наскочили другие собаки. Медвежий рёв, смешанный с собачьим лаем, стал терять силу, переходя на хрип со свистом. Шум прекратился, только молчаливая возня была слышна из берлоги. Вскоре Чур выскочил и просто стал лаять, потом и вовсе прекратил. Охотники подошли к самой берлоге. Внутри злобно рычали, кашляли собаки, выплёвывая шерсть из пастей. Чалык рассмотрел, что там внутри, и резко сунул руку в «чело», выдернул одну собаку, потом вторую. Медведя привязали за лапу и вытащили из берлоги. Снимать шкуру взялся Шалгу. Если бы берлога была недалеко, то медведя притащили бы целиком и разделяли бы прямо в стойбище. Но сейчас разделявать будут на месте, заберут только всё нужное. Мясо аккуратно обрежут с костей, не разламывая их, кости разделят

по суставам, очистят и положат все вместе, они пригодятся ещё для другого медведя. Заберут и шкуру, которая теперь будет украшать чум удачливого охотника. Нюнням внимательно смотрел и запоминал порядок разделки. Возможно, когда-нибудь придётся и самому делать это. Он стоял отрешённый, и Чалыку показалось, что брат «не в себе». Он тронул его за плечо:

– Ты не заболел? – пошутил он. Нюнням встряхнулся от своих мыслей и ответил:

– Нет. Всё нормально.

– А почему так стоишь? Испугался?

– Нет. Смотрю, как снимать шкуру.

– Запомнил?

– Запомнил.

– Хорошо ударил, – сказал Шалгу. – Верно нацелил. И собака у тебя ничего, не лезет без дела, но и момент не упустит.

– Чур хороший, – согласился Нюнням. – Можно с ним охотиться.

– А моего кобеля порвал, – Чалык кивнул на шкуру, не произнося вслух слово – «медведь». – Есть ещё пара, буду охотиться с ними.

– Дурной был. Совсем дурной, – сказал старик сыну.

– Молодой был, – возразил Чалык.

– Шибко дурной, хоть и молодой, – повторил Шалгу. Закончив снимать шкуру, он отделил голову и вытащил глаз, подал его Нюнням. Молодой охотник должен проглотить его, не разжёвывая. Если он сможет сделать это, то его ждёт долгая счастливая жизнь. Юноша взял глаз и, не раздумывая, положил его в рот. Все охотники смотрели на него, и Нюнням проглотил медвежий глаз. Восторженные крики раздались одновременно. Затем развели костёр, стали жарить мясо на рожне и есть. Это было великое воссоединение медведя и человека. Затем танцевали вокруг костра, пели нужные заклинания. Наевшись, курили трубки и улыбались. Шалгу взял медвежью голову, вставил в пасть палочку, чтобы медведь не смог схватить охотника, воткнул в ноздри пихтовые палочки, так медведь не найдёт след охотника, и понёс голову подальше от костра. Несколько человек пошли за ним. На расстоянии полёта стрелы установили череп на срубленный пенёк в стороне от костра. Отделённое от кости мясо положили рядом. Придёт время, и здесь возродится другой медведь, который не будет злиться на охотников. Он будет думать, что его убили другие люди, и будет искать их. Так думают охотники.

После празднования и совершения ритуала, охотники собрали мясо, взяли шкуру и направились в стойбище. Шкуру несли задом наперёд, чтобы запутать обратную дорогу.

Вечером в стойбище был большой праздник. Мясо варили в котлах, жарили на рожне. Ряженные в медвежьи шкуры и маски взрослые и дети танцевали вокруг костра и водили хороводы.

Только Нюнням сидел, наблюдая за происходящим. Хоровод иногда раскручивался и вокруг него, он улыбался, но не танцевал. Просто очередной этап жизни охотника прошёл успешно. Нюнням был удовлетворён, теперь он такой же охотник, как и все, и даже лучше некоторых. Не каждый мужчина из их стойбища добывал медведя. Не у всех в чуме есть медвежья шкура, которой отмечается охотник, добывший зверя. Юноша был рад всему этому, но радость была тихая, не было восторга, который погнал бы в круг танцующих. Шалгу присел рядом, долго раскуривал трубку, покашливал, смотрел то на веселящихся людей, то на костёр, потом тихо произнёс:

– Сегодня от тебя ушло детство. Помни о нём, оно было добрым к тебе.

– Да, – кивнул уже не юноша, а настоящий молодой охотник, который только что подошёл к черте, за которой начиналась большая жизнь. Осталось сделать только один шаг – завести семью, поставить свой чум. И черта эта совсем рядом: за морозами и снегами, за весёлыми ручьями, весенним буйством птичьего разноголосья, за шумом ледохода, первой грозой над сопками. Совсем рядом, надо только идти.

Вот и настало время для «малой ходьбы». Наступил охотничий сезон, пора, когда душа охотника начинает петь, когда наступает настоящая работа для мужчин. Пришла пора добывать белку. В период «малой ходьбы» охотники промышляют недалеко от дома, на расстоянии двух-трёхдневного перехода. И всегда возвращаются в стойбище, принося добычу с собой. Женщины обрабатывают шкурки, выделывают их, готовят к продаже. Подростки заготавливают дрова и промышляют зайцев рядом со стойбищем. Женщины, кроме выделки шкур, занимаются разным рукоделием, шьют и украшают одежду и, конечно, болтают. Наконец-то наступило время, когда можно вдоволь поговорить. Соберутся в одном чуме, перемоют косточки всем, наговорятся на год вперёд. Старики вяжут сети из крапивной нити и помалкивают. Только зацепи длинные женские языки, не отвяжешься. Оплетут, как сеть неловкую рыбину.

Рано утром Нюнням вместе со своей собакой направился в тайгу. Пока только на день, а там будет видно. Что принесёт этот сезон, пока никто не знает, но для молодого охотника он будет очень важным. Нужно не только показать зрелость в этот первый сезон, но и добыть много шкурок, впереди его ждёт важное событие, к которому нужно подготовиться.

Чур сразу убежал в лес, а через некоторое время раздался его лай. Нюнням по голосу своей собаки определил, что она облаивает белку. На каждого зверя или птицу у собаки свой едва различимый тон. Хороший хозяин знает, на кого лаёт пёс. Когда Чур лаял на белку, голос у него становился высокий, с привизгом. Зверька Нюнням увидел сразу, тот и не пытался прятаться, с любопытством разглядывая собаку, – тут же и поплатился, сбитый тупой стрелой. Придавив белку, Чур положил её на снег, поглядывая на хозяина. Нюнням поднял белку, осмотрел, только тогда погладил собаку.

– Молодец, Чур. Хороший Чур, – собаке было достаточно осознать, что она всё делает правильно. Кобель снова пропал в лесной чаще, вскоре снова раздался лай. К обеду было добыто с десятков белок. Нюнням разжёг костёр, повесил котелок со снегом над огнём. Вытащил из заплечного мешка лепёшку, чай, перемешанный с разной травой, кусок вяленой рыбы. Лепёшкой и рыбой поделился с кобелём, а сам стал медленно жевать, ожидая, когда закипит чай. Вода в котелке забурлила и заплескалась через край. Нюнням высыпал заварку в котелок, на мгновение поставил котелок на огонь и, когда вода опять стала подыматься, снял и поставил рядом с костром. Достал берестяную кружку и налил душистой жидкости. Пил долго, мелкими глотками, продлевая удовольствие. Налил ещё, раскурив трубку и долго смотрел в костёр. На душе было хорошо и спокойно. Докурив трубку, допил чай, собрал пожитки в мешок, затушил снегом костёр и пошёл дальше. Пока не наступили сумерки, Нюнням добыл ещё несколько белок. Чур работал достойно. Он то уходил куда-то, то вертелся рядом. Когда пёс в очередной раз ушёл по кругу, выискивая следы, случилось неожиданное. Нюнням краем глаза увидел шевельнувшиеся ветки на сосне, машинально взял стрелу из колчана. Но не успел поставить её на тетиву, как вдруг большая тень полетела с сосны прямо на него. Дальше всё произошло неосознанно, сработал инстинкт охотника. Нюнням выставил перед собой руку со стрелой остриём вперёд, а другой оттолкнул нападавшего зверя. Только рысь не боится нападать на человека просто так, ради охоты, не боится или не понимает опасности. Как и на любую другую добычу, она прыгает на спину, стараясь ухватиться клыками за шею. Если добыча оказалась удачливей и смогла противостоять первой атаке рыси, она спасается бегством на дерево. Здоровый кот прыгнул охотнику прямо на спину.

Только быстрая реакция спасла Нюнням. В любом случае надо было скинуть рысь со спины, тогда она уйдёт, если успеет. Но в этот раз зверю не повезло, прямо в полёте он наткнулся на стрелу, которую охотник держал в руке и которая проткнула его насквозь, повредив внутренности. Охотник успел выхватить нож, но добывать рысь не стал. Кот вскрикнул, потом стал громко фыркать и крутиться на снегу, оставляя кровавый след.

Нюнням понял, что рыси досталось хорошо и не стоит больше портить шкуру. В это время примчался Чур, словно почувствовав, что хозяину нужна помощь. Кобель вцепился в горло рыси и держал до тех пор, пока зверь не затих. Нюнням сел прямо на снег, закурил трубку. Он в первый раз встретился с рысью. Только по рассказам бывалых охотников знал, как надо противостоять зверю.

Докурив трубку, Нюнням почувствовал, что немного саднит щека. Потрогал рукой и увидел кровь: успел зверь поранить охотника когтями в последний момент. Нюнням вытащил из-под снега сухой жёлтый лист, поспешил к ране и прилепил на рану, вскинул затихшего кота на плечо, пошёл.

День, как вспугнутый глухарь, быстро удалялся, растворяясь в кронах деревьев. Лес, проглотив последние лучи солнца, мгновенно посерел, а потом и почернел. Только снег, лежавший повсюду, не давал темноте совсем опутать всё вокруг, словно светящиеся гнилушки, путался под ногами. Стойбище дымами встречало охотников, возвращавшихся с промысла. Дым поднимался ровными столбами, не сгибаясь, не расползаясь, только там, высоко, за пределами самых высоких деревьев, дымы соединялись в один и поднимались ещё выше. Все знали, что завтра будет морозец. Не сильный, сковывающий всё вокруг, а только румянящий щёки и покрывающий инеем кусты.

Нюнням пришёл после Чалыка. Тот уже успел попить чаю и отдохнуть. Шалгу рассматривал белок старшего сына. Нюнням вывалил свою добычу. Старик с удивлением стал разглядывать рысь.

– Стрелой добыл? – спросил Шалгу.

– Стрелой, – кивнул Нюнням.

– Далеко стрелял? – поинтересовался Чалык. Рысь в здешних краях нечастый гость.

– Не стрелял. Не успел, стрела в руке была.

– Зверь напал первый? – заинтересовался Шалгу.

– Да. Едва заметил.

– Хорошая добыча. Мне не приходилось добывать рысь. Старик долго вертел зверя в руках, а потом сказал Чалыку:

– Ты отдохнул, снимай шкуру. Надо мясо варить, говорят, очень нежное белое мясо у рыси, будем пробовать.

Кутега подала чаю молодому охотнику. Нюнням сел возле чувала, греясь у очага. Он не замёрз, просто открытый огонь снимал усталость быстрее. Шалгу отложил nedovязанную сеть в сторону. Чалык быстро снял шкуру и подал мясо жене. Она разрубила его на крупные куски и бросила в котёл.

– Завтра я пойду с тобой, Нюнням. Не могу сидеть и слушать женские сказки. Пока нет морозов и снег неглубокий, я смогу добывать белок.

– Пойдём, – согласился сын. – В лесу можно ходить и без лыж.

– Правильно, – поддакнул Чалык. – Сидит хмурый, я думал, что ты заболел, а ты без охоты такой.

– Ещё будет время сидеть. По большому снегу я уже не смогу бегать за вами, да и холодно будет. Буду как женщина сидеть, шкуры скоблить да языком чесать.

– Много ты говоришь, уши болят, – заметила Кутега. – За день два слова не сказал, будто язык замёрз и отвалился.

– Мне ещё парку до пяток надеть и бусы собирать осталось, – буркнул старик. Мужчины носили парки до колен, а женщины до щиколоток.

– Кутега, – окликнул жену Чалык, понимая, что отец сердится. Женщина замолчала и стала кормить мужчин. Дымящееся мясо, вытасченное из котла, приятно щекотало ноздри. Лучший кусок Кутега подала Шалгу, по обычаю. Он принял и кивнул в знак того, что не сердится на невестку за её болтливый язык.

Огонь в чувале ровно горел, тепло приятно расплзалось по чуму. Дрёма стала одолеваять всех. Первым в свой угол залез Нюнням и затих. Вскоре и Чалык улёгся, а Шалгу ещё долго сидел – не дают уснуть разные мысли: и лезут, и мучают, не отбиться

никак, а если дома сидеть, так вовсе хоть пропадай. Вот и собрался Шалгу убежать от них в лес – там будет не до разных думок. Нужно слушать лес, каждый шорох, даже едва различимый, укажет, где нужно смотреть белку или соболя. Шалгу и без собаки может найти не одного зверька. Так и задремал старик сидя, не выпуская изо рта трубку.

Утром, едва стало светлеть небо, Шалгу уже был готов к походу. Он попил чаю, выкурил трубку и сидел у чучала, выжидая время. Нюнням тоже был готов и тоже выжидал время. Тронулись только тогда, когда стало совсем светло. Чур бежал впереди, за ним шёл Шалгу, замыкал шествие Нюнням. Отдохнув, он шёл спокойно, внимательно вслушиваясь в шум леса. Охотники ступали тихо, стараясь не смешивать звуки леса с треском сучьев под ногами и скрипом снега. Шалгу первый услышал поцокивание белки. Он остановился, определил направление, откуда шёл звук, и стал всматриваться в лохматые ветки кедра, ожидая, когда проказница-белка шевельнётся, тогда можно и стрелять. Ждать пришлось недолго. Высоко, около макушки дерева, дрогнула ветка, посыпался снежок. Зверёк высунул мордочку и стал разглядывать охотников. Белка не чувствовала опасности, поэтому и не пряталась особо. Шалгу достал тупую стрелу, медленно натянул лук. Стрела сердито фыркнула, сразу же раздался глухой удар. Белка кубарем летела с дерева, пытаясь зацепиться за ветки. Чур поймал её на лету. Он не рвал белку, просто придавливал зубами, а когда зверёк затихал, клал его на снег. Таких собак, которые рвали зверька, а иногда просто хватали добычу и убегали, не держали, от них избавлялись.

Перед обедом Чур залаял как-то особенно. Нюнням понял, что кобель нашёл след соболя. Шалгу вопросительно посмотрел на сына, тот утвердительно кивнул. Голос Чура удалялся. Но вдруг кобель стал привизгивать.

– Остановил, – сказал Нюнням и побежал на лай собаки. Шалгу тоже поспешил. Чур лаял на поваленную осину. Дерево лежало давно и наполовину сгнило. Кобель не только лаял на дерево, но и пытался грызть его. Шалгу внимательно осмотрел валёжину и показал место, куда залез соболь. Старая осина сгнила изнутри, и там образовалась пустота во всю длину дерева. Шалгу «аттесом», полуметровым ножом, заменявшим топор, прорубил отверстие посередине, потом пошёл и прорубил такое же отверстие с другого края. Срубив пару небольших берёз, они с сыном стали с двух сторон толкать прутья в середину осины, постукивая сверху. Соболю выскочил из среднего отверстия, пробежался по голове Чура и отпрыгнул в сторону, попав в снег, провалился с головой. Чур попытался схватить соболя, но тот пустил в ход свои острые зубы, стараясь вцепиться собаке в нос, самое болезненное место, но кобель не давал ему такой возможности. Зверёк не сдавался: он рычал, фыркал, прыгал прямо на морду собаке. Но опять угодил в снег, оказавшийся роковым для него. Чур схватил соболя поперёк, послышался хруст, зверёк сразу затих. Нюнням подошёл, погладил собаку:

– Хороший Чур, хороший.

Собака благодарно смотрела хозяину в глаза. Хорошие слова и для собаки радость. Она чувствует доброе слово. Нюнням поднял соболя, посмотрел на свет, дунул на шкурку. Это был не совсем чёрный зверёк, который особенно ценился, но всё же соболь. Первый соболь в этом сезоне. Шалгу осмотрел шкурку, встряхнул зверька и сказал:

– Ничего, пойдёт. Первый нынче соболь. Хороший у тебя кобель, умный, такого беречь надо, удачу принесёт.

– Сам всё знает, я не учил.

– Разве собаку научишь? Тут или будет работать, или нет, – сказал Шалгу. – Нет, собака от рождения способна к охоте, нужно просто не загубить эти знания.

Ближе к вечеру Чур нашёл ещё одного соболя. Только теперь зверёк был на сосне, особо и не прятался, смотрел своими чёрными глазками и определял степень опасности. Нюнням не промахнулся, стрела ударила прямо в подбрюшье, когда зверёк приготовился к прыжку и приподнялся на ветке. Чур схватил его, как и белку. Этот соболь оказался совсем другого окраса. Чёрный, с блестящим отливом, он словно искрился на солнце.

Нюнням понимал, что это ценный зверёк, но сказать об этом постеснялся, хотя его прямо раширало от радости.

– Вот это добрая добыча, – порадовался отец.

День удался. Добыли пару соболей, полтора десятка белок. Не каждый день приносит такую удачу, и надо радоваться прошедшему дню, надо радоваться и будущему дню; с плохим настроением, без надежды на охоту не стоит ходить. А что ещё умеет делать лесной житель? Рыбачить да охотиться, без этого не проживёшь, без всего этого и смысла жить нет. Что нужно человеку? Вырастить детей, показать им дорогу, по которой они пойдут. Вот сейчас Шалгу пытается направить Нюнням, а тот и сам идёт по верной тропе. Все идут по нужной тропе, так уже заложено в крови у народа Шалгу. Только как идут по этой самой тропе, по этой самой жизни? Многие свою дорогу осилили, кажется, и всё у них хорошо, да только кто их знает, таких людей, живут и живут себе, а спроси: «Кто это? – пожмут плечами и скажут: – Человек, кет». Наверное, это и не плохо, только Шалгу не просто человек. Он был лучшим охотником, он и сейчас лучший мастер на всём Туманжете и Бирюсе, делающий лучшие лодки-ветки, лучшие луки, которые славятся и на Енисее. Шалгу хочет, чтобы и Нюнням был таким мастером. Если взялся за какое-либо дело, то надо быть лучшим. У младшего есть такая жилка, которой нет у Чалыка. Старший сын неплох, и на охоте не последний, и рыбу ловит не хуже других, но не лучше всех. И жену хорошую Шалгу нашёл для Чалыка: и мастерица, и на охоте помощница добрая, и всё у них нормально, но и только.

Шло время. Нюнням то один, то с отцом каждый день ходил на промысел. Холодало, выпало уже достаточно снега, чтобы ходить на лыжах. Чур бежал следом по лыжне, только изредка, что-нибудь учуяв, кидался в сторону, проваливался в снег и виновато смотрел на хозяина. Теперь охота шла при помощи ловушек и кулём. По определённом маршруту охотник шёл и проверял ловушки, забирал добычу, настраивал по-новому и продвигался дальше. Приходилось ходить далеко и ночевать в лесу, иногда даже по две-три ночи. Тогда он разводил костёр, выбирая хорошую валежину, которая будет гореть всю ночь, готовил лапник и залазил в усень (спальный мешок из оленьих шкур). Даже в морозы так можно было коротать ночь, не боясь замёрзнуть. Собираясь на несколько дней, Нюнням брал с собой небольшую волокушу, на которой вёз всё необходимое, на ней же доставлял то, что удавалось добыть. Несколько раз Нюнням привозил и мясо. В густых ельниках натыкался на изюбров, диких коз и даже лосей, свежему мясу все рады, а если удавалось и небольшие запасы сделать, это было большим подспорьем к тем запасам рыбы, которые заготовлены с осени.

Наступала пора коротких дней. Охотники выходили с промысла. День и так был коротким, а тут ещё пришли сильные морозы, которые покрывали всё туманами, словно белым покрывалом. Туманы, бывало, и за весь день не рассеивались. Охотиться в такую погоду не на кого. Все лесные обитатели тоже прячутся от холодов, стараясь зря не высовываться, питаясь заготовленными запасами.

Несколько дней охотники отдыхали, отсыпались в чумах, потом безделье надоело. Стали собираться в одном чуме и рассказывать сказки. Сказки рассказывали больше для детей, но и взрослые тоже с интересом слушали, многие не по первому разу. Рассказывали в основном про бога Еся, про старуху Хоседэм. На этот раз сказку стал рассказывать сам Шалгу. Дети расселись вокруг старика, чтобы было лучше слышно, чтобы не упустить ни одного слова. Старик раскурил трубку и начал:

– Жил старик Есь со своей старухой Хоседэм. Был у них сын. Как-то сын говорит:

– Я на охоту пойду.

А Хоседэм ему отвечает:

– Холодно уже, надень шубу.

– Нет, не холодно, – сказал сын, не послушался матери и ушёл не одетым. – Кто ходит на охоту в шубе. Не надо мне шубы.

Пошёл сын, далеко пошёл. Есь, его отец, говорит:

– Я его пугну, пушу холодный ветер.

И пустил он холодный ветер. Сын побежал домой. Бежал, бежал, упал и замёрз в лесу. И старик знал об этом, ведь он был бог Есь.

– О-о, мой сын замёрз, – завопила Хоседэм. Стала ругать мужа всякими нехорошими словами. Старик тоже стал браниться, и поругались они. Хоседэм кричит:

– Ты зачем моего сына заморозил?

Старик Есь толкнул её в гнев, и она упала вниз. И говорит старуха снизу:

– Теперь я буду богом внизу, а ты будешь богом сверху.

Так и появились два бога: добрый Есь сверху, а злая и тёмная Хоседэм внизу.

– Расскажи ещё сказку, – попросили дети.

– Какую? – спросил Шалгу.

– Расскажи сказку про гагару, – попросил Чалык.

– Это было давным-давно. Ничего не было тогда на земле. И земли самой не было. Был только сплошной океан, над которым летала одинокая гагара. И на небе жил бог Есь. Гагара летала над океаном, купалась и отдыхала прямо на воде. Однажды Есь позвал гагару к себе и велел ей сотворить землю. Захотел Есь расселить на той земле и зверей разных, и птиц, которые на земле живут, и людей всяких. Сказал Есь гагаре:

– Ты, гагара, хорошо плаваешь, хорошо ныряешь, достань со дна океана кусочек земли да растяни его, чтобы земля получилась.

Много раз ныряла гагара, но неудачно: не могла она достать земли. И вот собралась в самый последний раз нырнуть. И получилось достать кусочек земли. Утвердив землю на поверхности, гагара стала растягивать её. Растягивала она, растягивала, чтобы хватило земли на всех. Стали жить на земле, сотворённой гагарой, разные звери и птицы. А от гагары светлый народ произошёл. Кетами зовут тот народ.

– А где сейчас этот народ? – спросила Кутега.

– Жил тот народ в верховьях Енисея. Потом стали приходить плохие люди с юга и с запада, забрали хорошие леса, где водилось много зверей, и кеты погрузились в лодки-илимки и поплыли по Енисею вниз. Долго искали они себе хорошее место. Но места хорошие были заняты, и кеты плыли всё дальше и дальше. Некоторые не захотели больше плыть вниз, а пошли по реке Бирюсе искать себе место. Стали они зваться коттами. Нашли они хорошее место на реке Туманшет, где мы и живём. Наши предки звались кетами. И мы вышли из кетов. Значит все сказки про нас, – сказал Шалгу и набил табаком себе трубку. Все слушатели заулыбались, остались довольными. Хорошими, светлыми людьми были их предки.

– А те, которые ушли вниз по Енисею, где сейчас?

– Там и живут. На самом краю земли. Там, где «огонь Еся» (северное сияние) освещает землю, трещит и пугает.

– Это далеко, наверное? – продолжала Кутега.

– Далеко. Хватит на сегодня, – сказал уставший старик.

7

Утром, когда Нюнням проснулся, Шалгу сидел около чувала и пил чай. Делал это он медленно, степенно. Важность во всём виде старика, говорила, что это неспроста. Нюнням сходил на мороз, чтобы лучше проснуться. Лень и безделье в дни «коротких дней» забирают все желания, парализуют волю, так бы и спал себе, ничего не делал, да только еда сама в котёл не ходит, и дрова для чувала тоже надо принести. Захватив дров, Нюнням вернулся в чум. Там было тепло, пахло дымом и чаем, который заваривал сам Шалгу. Старик медленно набил трубку и прикурил от маленького уголька на кончике ветки.

– Хватит сказки слушать, – сказал он сыну. – Покажу тебе, как собирать лук.

Остатки сна быстро улетучились. Нюнням давно ждал этого, надеялся, что отец откроет ему свои секреты. И вот настал этот день. Шалгу достал свои заготовки,

спрятанные им до поры, приготовил специальный старенький котелок, в котором варил клей. Котелок поставил рядом с огнём, чтобы не перегреть и не переварить клей, и стал примерять заготовки, подгонять берёзовые и лиственничные пластинки друг к другу.

– Смотри, чтобы щелей между пластинами не было. Иначе клей неровно ляжет и пластины будут коробить. Лук станет кривым, стрелы будут летать мимо, белки будут смеяться над охотником. Обязательно вымеряй середину сразу, а не потом, когда склеишь и придётся ножом срезать лишнее дерево. Оно этого не любит. Могут появиться небольшие трещины, которые ты сразу и не увидишь. Но потом они себя выкажут, и лук может подвести в самый неподходящий момент. Старательно делай, не торопись. Хорошее дело не терпит спешки. Быструю работу только сороки и оценят, долго будут стрекотать.

Нюнням сидел и смотрел во все глаза. Всё было так интересно. Шалгу раньше никогда не показывал, как собирает и склеивает лук, как готовит клей. Теперь же Нюнням не только смотрел, но брал своими руками заготовки, примерял их, осматривал все зазоры, спрашивал, что было не совсем понятно. Восторгу не было предела. Когда согрелся клей, Шалгу сказал:

– Склеивай, я посмотрю, буду подсказывать, если что не так будешь делать.

Нюнням взял заготовки, палочкой промазал хорошо места для склеивания, убрал лишний клей, понимая, что лишний клей может испортить дело. Сложил всё вместе, предварительно отмерив середину и поставив угольком метки. Сейчас, совместив метки, он стал связывать заготовки размоchenными сыромятными ремешками. Старик словно и не обращал внимания, собирал ещё один лук, обещанный рыбаку из Пеленгут. А тот, который делал Нюнням, пойдёт на подарок за невесту. Пусть сам себе делает, пощупает своими руками упругость березовой и лиственничной пластинок отдельно, потом почувствует упругость и силу склеенных деталей в одно целое. Сила дерева не удваивается, а утраивается, когда сделано всё правильно. Шалгу не делает ошибок, потому и луки, сделанные им, ценятся так высоко. Нюнням тоже будет хорошим мастером. Старик видит, что есть у младшего сына искорка мастера в душе. Теперь надо раздуть её в огонь, главное, не погасить. Нюнням всё сделал верно, ни разу не вмешался Шалгу, ни разу не поправил. Вскоре два лука, подвешенные для просушки клея, красовались над чувалом. Чалык мастерил туеса из бересты и совсем не интересовался работой других. Он думал так: «Есть мастер Шалгу, пусть и делает. У него получается хорошо. Чалык умеет охотиться, как и другие, умеет делать туеса, если нужно выстрегает из дерева, что понадобится. А вдаваться в такие тонкости, как делать лук или вырубать лодки из дерева, у него нет желания. Ловушки-кулёмы, плашки Чалык смастерит, а черканов Шалгу уже наделал столько, что хватит на многие годы. Только лови белок да соболей». Говорить об этом вслух Чалык не хотел, чтобы не обижать отца. Белок Чалык добыл поменьше, чем брат, ну и что? Им с Кутегой хватает. Дети пока маленькие, много ли им надо? Проживут не хуже других. Кутега ловко и хорошо выделяет шкурки. Никогда не испортит, не порвёт. Шкурки мягкие, мех горит, искрами брызгает. Ничего, можно жить. Не обязательно делать луки да лодки долбить. Вон в Пеленгутах кузница есть, там железо, как глину, мнут, ножи делают, другие разные штуки, разве много нужно ножей Чалыку? Много лет служит хороший нож, оселком поправил лезвие и хоть шкурку снимай, хоть мясо режь. Нет, не надо премудростей Чалыку, не надо. Пусть Шалгу с Нюнням чуют себе, раз им интересно.

Долго тянулись дни и ночи, окутанные снегом, инеем и туманами. Щедра здешняя земля на морозы. Прижмётся мороз к самой земле, накроется туманом и не даст солнцу места для лучика. Как только солнце начинает осиливать туман - так и день закончился. Лес вокруг, покрытый куржаком, не шелохнётся, не скрипнет. Тишина. Разве иногда мороз разорвёт дерево изнутри, громко хлопнув, словно бог Есь сверху ударил палкой, чтобы разбудить своё сонное царство. За эти дни много дел переделано. Приготовлены шкурки соболей и белок, добытых во время «малой ходьбы». Готовая пушнина упакована

и сложена в лабазы, чтобы не поточили мыши и бурундуки. Починены лыжи, которые сейчас очень сгодятся. Без лыж никуда – снегу навалило по пояс. Подправлены маленькие нарты-волокуши и для охотников, и для их жён. В них есть места и для малых детей. Уходили на дальний промысел семьями надолго, брали всё, что нужно с собой. Семье Шалгу будет намного легче, чем другим. У них трое взрослых мужчин и женщина, четверо нарт, много можно взять с собой, разделить по нартам, будет легко.

И пришло время. Шалгу вышел утром из чума, посмотрел на небо. Постоял, понюхал зимний, морозный воздух и сказал:

– Можно собираться.

Весть полетела в каждую дверь. Люди враз зашевелились, словно только этих слов и ждали. И захлопали берестяные разрисованные двери, несмотря на холод. На дверях в каждый чум нанесён какой-либо рисунок: или лес с рекой, или лось, трубящий по осени; дверь без рисунка, как голова без лица, поэтому и рисовали, кому что нравилось. Идти можно будет через несколько дней, но уже надо собираться, хотя всё основное уже давно готово. Надоело мять бока в чумах да слушать разные истории. Старика Шалгу совсем замучили просьбами рассказать что-нибудь, ведь он родился летом, и все верили, что если сказки рассказывает человек, родившийся в тёплое время, он быстрее приближает лето. Эта вера пришла с ними из далёких енисейских краёв, когда они были в большой единой семье кетов, светлых людей, которых поселил на землю добрый бог Есь и которых мучила разными сквернами старуха Хоседэм. Шалгу перестал рассказывать истории, решив, что своё дело он сделал хорошо, теперь осталось ждать. Он сидел, не выпуская изо рта трубку, думал о чём-то, изредка улыбаясь своим мыслям. Видно, хорошие думы посещали старика.

С утра быстро разобрали чумы, сложили в нарты и двинулись в разные концы. Шалгу со своей семьёй потащили четверо нарт прямо на юг, там были их уголья, там всегда охотились его предки, там охотился он сам и его дети. Каждый охотник следит за своим участком, хотя разве уследишь за всем, когда расстояния измеряются десятками дневных переходов. Есть свои путики, по которым тянут волокуши, есть свои затёсы и приметы. Чужому в угольях делать нечего, но если кто и попадёт ненароком на чужой участок, то большой беды не случится. Пройдёт человек, может и попользоваться чужим добром, если беда случилась, никто не будет возмущаться. Наоборот, порадуются, что сделали добро человеку. А тот, кто был, обязательно оставит свою метку, чтобы хозяева знали, кто был у них гостем. Этим знаком охотник обязуется вернуть всё то, чем воспользовался. Других людей в тайге просто нет. Остаток зимы и всю весну, пока не вернутся назад в стойбище, людей они не увидят. Велики просторы тайги, редко пересекаются дороги, всем места хватает.

Первым тащил свои нарты Чалык. Он прокладывал дорогу для других. Тем, кто шёл за ним, было немного легче. Шли неторопливо, стараясь держать один ритм, чтобы не уставать зря. Нюнням тащил свои нарты вместе с Чуром. Для собаки была привязана специальная лямка. Пёс старательно работал, изредка поглядывая на хозяина. Через некоторое время Нюнням опередил брата, давая тому возможность отдохнуть. За ними шёл Шалгу, последней тянула свой груз Кутега. На её нартах сидели дети, укутанные в оленьи шкуры. Когда солнце перевалило за полдень, путники остановились отдохнуть и пообедать. Весело потрескивал костёр, мальчишки сидели на нартах, протягивая руки к огню. В котле варился чай. Рассевшись у костра, люди обедали лепёшками и кусками мяса, разогретого на костре. Мясо было сварено и заморожено специально для перехода. Некогда долго засиживаться, короткие зимой дни, надо успеть пройти большое расстояние. Не только добраться до места, но и успеть поставить чум. Место для чума известно, не первый раз идут.

Уже смеркалось, когда все дружно стали ставить чум. Здесь были заготовленные заранее дрова, в дневном переходе во все стороны стояли ловушки, ждавшие своего часа с

прошлого года. Уставшие, но довольные, путники поужинали при свете огня в чуме, закурили трубки.

– Чалык, пойдёшь завтра один на запад, ты знаешь, где находятся кулёмы и плашки. Надо подстрелить какую-нибудь птицу, чтобы сделать приманки. Лучше, конечно, глухаря. Мясо будет на котёл. А мы с Нюннiam пойдём в другую сторону. Я ему покажу остальные ловушки. Остановимся здесь на пять дней. Участок большой, добычи должно быть много.

– Хорошо, отец, – кивнул Чалык.

Он почти всегда охотился один со своей собакой. Первый день был не очень добрым. По глубокому снегу собака не бежит. Медленно продвигаясь на лыжах, охотники вслушивались в шум леса, определяя, где цокает белка, наблюдая, где упадёт снег с ветки. Он просто так не падает. Нюннiam тащил за собой нарту с черканами, съёмными самоловами, просматривали старые ловушки, настораживали кулёмы на глухаринные перья со шкуркой.

День прошёл не впустую, но особой добычи не принёс. Добыли пять белок на двоих. Зато прошли по старому путику и насторожили много кулём, плашек и черканов. Первый день обычно уходил на это. Чалык тоже пришёл с парой белок.

– Поставил ловушки? – спросил Шалгу.

– Поставил, насторожил. Белка есть, и соболий следы встречал. Но гоняться не стал там, рядом насторожил кулёмку.

– Верно. Главное, побольше ловушек настроить. Кутега, а твои «охотники» чего добыли? – спросил Шалгу, кивая на внуков.

– Пока ничего не добыли, но охотятся за глухаринной головой в котле. Гляди, что котёл перевернут.

– Значит, не пропадут, – сделал вывод Шалгу.

Второй день оказался совсем неплохим. Почти все ловушки сработали. Попалось полтора десятка белок и три соболя. Несколько ловушек оказались пусты, хотя и сработали. И по следу было видно, что зверёк приходил.

– Смотри, – сказал он сыну, – ты не совсем верно ставишь сторожок.

Шалгу показал свои хитрости в насторожке кулём.

– Надо настораживать потоньше, загораживать от случайного прикосновения или порыва ветра. Тогда зверёк не успеет увернуться.

– Ты же видел, как я вчера ставил ловушки, почему не поправил?

– Хотел, чтобы ты посмотрел. Когда увидишь, лучше запомнишь. Ты посмотри, все мои ловушки сработали удачно, а у тебя три пустые. В те попались потому, что зверёк не пуганый, а в этой опытные зверьки украли наживку и не попались. Ничего, ты не обижайся, добудем мы этих соболей. Человек хитрее зверя.

Чалык тоже пришёл с хорошей добычей. Принёс ещё и зайца, неосторожно попавшегося на пути охотника. Настроение в чуме стало повеселее.

– Поймал вчерашнего соболя? – спросил Шалгу.

– Поймал, – Чалык вытащил зверька и показал отцу.

– Хороший соболик. Старый уже, мех ладный.

Через пять дней собрали чум и двинулись дальше. Часть груза оставили здесь. На следующий день Нюннiam пойдёт в эту сторону ещё раз проверить ловушки, тогда и заберёт. Так и продвигались к границе своего участка: день шли, ставили чум, охотились неделю, потом направлялись дальше. Уходя, закрывали ловушки, чтобы зря зверь не пропал. Забирали с собой только черканы. Складывали их на нарты и везли. Кормились добытыми глухарями, зайцами. Без мяса много не наохотишься.

Дни становились длиннее. Полуденное солнце уже стало ласкать лицо, но порой пурга так кружила, что не выходили из жилья по несколько дней. Постепенно холода отступали. От постоянной ходьбы стали уставать охотники. Шалгу уже не каждый раз ходил на

охоту, оставаясь в чуме. Он выходил днём из чума и бродил неподалёку, что-то выискивая. Однажды вечером сказал:

– Завтра пойдём добывать мясо. Сегодня присмотрел место, где стоят лоси. Без мяса плохо ходить, ноги ленивые стали.

У Кутеги загорелись глаза. Ей надоело выдумывать еду для охотников. Один глухарь или один заяц на столько мужчин – это просто насмешка. Если будет много мяса, то всем будет хорошо.

Утром, как только рассвело, охотники тихо, след в след, пошли к видневшемуся вдалеке ельнику. Там и заметил Шалгу лосей. Подошли так тихо, что лоси и не слышали. Определились, какого быка будут бить, прицелились сразу все. Три стрелы пронзили молодого лося. Остальные звери шарахнулись по сторонам. Пробежав по глубокому снегу немного, они обернулись и стали смотреть, что же произошло. За ними больше никто не гнался и не тревожил. Потом, учуяв запах крови, всё же ушли в заросли и больше не появлялись. Охотники разделали сохатого, поели горячую печень, запивая кровью. Завернули мясо в шкуру, сложили на нарты и пошли назад. Этот груз был не в тягость. Вернулись быстро. Собаки лаяли, встречая. Их с собой не брали, привязав к чуму. По глубокому снегу лось спокойно может догнать и поднять собаку на рога. На лыжах охотник быстрее собаки.

– Завтра будем отдыхать, – объявил Шалгу. – Пусть желудки поработают, а ноги отдохнут. Оба сына кивнули в знак согласия.

8

По утрам уже не было туманов. Морозы ещё ярились ночами, только силушку свою подрастеряли. К обеду солнце, ярко расплескавшись по белым сверкающим сугробам и снежным шапкам на деревьях, слепило, понемногу ласкало обветренные щёки. Снег какое-то время терпел, не поддавался теплым лучам, потом понемногу стал отпотевать за день. Ночью, замерзая, образовывал крепкую снежную корку. По насту охотнику легко бегать, как по дороге. Лыжи-голицы, не подбитые камусом, катились сами. Это было время для добычи лосей и оленей, они не могли бегать по насту, проваливались, острыми краями разрезая ноги. Нюнням наткнулся на лосей в лозняке, где животные кормились ветками. Первая стрела пронзила шею огромному самцу. Лось было кинулся на врага, но, провалившись в насте, на мгновение остановился, и вторая стрела пробила лопатки, кровь брызнула на снег. Третья стрела успокоила зверя. Другие лоси, шумно фыркая, проламывая наст, быстро удалились в ельник, там снег был мягче, солнце меньше попадало в густые заросли. Молодой охотник подбежал к лосю и добил его ножом. Подошёл Чалык, помог снять шкуру и разобрать мясо. Перекусив горячей печенью, потащили мясо к чуму. Старик Шалгу в последнее время не ходил с ними на охоту. Устал. Охота на пушного зверя закончилась. Меха стали слабые, негодные для продажи. В период «бурундуков» лишь на них ещё и охотились. Шкурки использовали только для себя. Шили лёгкую одежду для детей и делали украшения женщинам. В это время добывали мясо, готовились в обратный путь. Загатавливали его потому, что другие запасы подходили к концу. Путь был неблизкий, много раз придётся ставить чум на новом месте, возвращаться за оставленным грузом. По пути охотники забирали добычу, оставленную в лабазах на хранение. Когда пришли в стойбище, ещё лежал снег, река, покрытая льдом, светилась бирюзовым светом. Долго ждать, пока солнце да вода осият зимний панцирь и скинут его, возвещая об этом треском и скрежетом льдин, напозающих на берега и друг на друга. А пока ловят рыбу в прорубленных полыньях, в котцы заходит совсем мало рыбы.

Охотники, немного отдохнув, сидели возле чумов и чинили сети-пушальни. Обычно это делали женщины, но такая работа была отдыхом, а другой работы пока не было. По льду ходить уже опасно. Хоть лёд и достаточно толстый, но весенний, обманчивый,

провалиться можно в самом неожиданном месте, а потом попробуй – выберись. Оставалось только ждать и готовиться к новому сезону.

Солнце всё больше набирало силу. На сопках уже стали показываться проталины. На солнцепёке от земли поднимался припарок. Лёд на реке постепенно стал чернеть, словно злился на всех. Кое-где с берегов поплыли ручейки, протачивая льдины. Кутега собрала детей и пошла с ними на сопку, поискать прошлогоднюю бруснику. Первейшее лекарство весной, пока ещё нет черемши. Ребятишки, словно муравьи, ползали по склону, повизгивали, смеялись и собирали тёмно-бордовые сладкие ягоды. После зимы все ягоды, оставшиеся на склонах, словно пропитаны сахаром, попадались и ягоды шиповника, но мало.

Стойбище жило размеренной жизнью. Возле чумов дымились небольшие костры. Неугомонные мальчишки сновали туда-сюда. Собаки грелись на солнце, лениво переворачиваясь с боку на бок. У костров сушили женщины. Мужчины сидели и курили трубки. День клонился к закату. Вот тут-то и затрещало. Слово огромной дубиной о дерево хрястнуло, потом ещё и ещё. Заскрипело, захлюпало. Двинулся лёд на реке. Всё население стойбища двинулось на берег, разница только в скорости: ребятига летела сломя голову, а взрослые вышагивали степенно, но на душе у всех было одинаково: «Случилось! Пошёл лёд!»

– Ближко не подходите! – крикнула детям Кутега. Мальчишки подошли к самой грани срыва льда, а это очень опасно. Силища в реке такая, что любая льдина может быть мгновенно перевёрнута и вышвырнута на берег, не успеют отбежать, такое уже случалось.

Люди стояли на пригорке и обсуждали произошедшее. Некоторые «знатоки» пытались по каким-то им известным признакам определить по ледоходу, какое будет лето. Посветлели лица у жителей стойбища. Такое событие, происходившее раз в год, радовало всех. Начинался новый период жизни, более лёгкий и тёплый. Хотя и будет работы много, но с зимой не сравнится. Ледоход – такое зрелище, которое нельзя посмотреть несколько минут и пойти по своим делам. Старики стали приглядывать себе место, где можно присесть. Только детям всё было нипочём. Едва улеглись первые страсти, как река остановилась. Шла, шла и резко остановилась, словно уткнулась лбом в огромное дерево. Люди притихли, ждали, что скоро лёд опять тронется и продолжится праздник. Но льдины, залезшие друг на друга, словно умерли. Время шло, люди уже стали уходить, как вдруг опять сильный треск расколол тишину. Река вздрогнула, шевельнулась и нехотя пошла. До самой темноты лёд больше не останавливался, всю ночь трещало, хрустело, только под утро затихло. Едва рассвело, народ опять высыпал на берег. По реке плыли редкие одиночные льдины. По берегам, окаймляя непривычно тёмную воду, лежали остатки льда и снега.

Чалык столкнул новую лодку на воду и направился посмотреть, где можно было бросить сеть и поймать щук. Очень хотелось свеженькой рыбы после зимы. Всем казалось, что рыба, выловленная в проруби, не такая вкусная, как из чистой воды. Пока после ледохода вода небольшая, нужно сделать небольшой запас. Когда начнёт обильно таять снег в лесу и на сопках, вода поднимется, тогда много не порыбачишь. Вода станет мутной, много валёжин будут прочёсывать реку, ворую не убранные вовремя сети. Топляки свободно могут перевернуть лодку и утопить рыбака. По большой воде не рыбачат, только по необходимости пользуются лодкой. Чалык нашёл подходящее место и забросил сеть. Поплавки из скрученной бересты стали подрагивать почти сразу. Чалык решил подождать немного и проверить сеть. Пристав к берегу, он набил трубку. Сладкий дымок окутал обветренное лицо. Охотник смотрел на воду, раздумывая: «Хороший выдался сезон. Много добыли шкурок. Нюнням тоже хорошо поохотился. Больше тысячи беличьих шкурок привезли они с Шалгу. Хорошие подарки будут у Нюнням невесте. Не опозорится охотник перед будущей роднёй. Чалык даст ещё шкурок брату, если понадобится. И у брата будет свой чум. Жалко, что отец уйдёт вместе с ним. Но ничего не

поделаешь, так заведено. Отец уходит к младшему сыну, когда у того появляется свой чум».

Чалык вдруг заметил, что поплавок нет на поверхности воды. Выругавшись на себя, подумал, что какая-нибудь коряжина сорвала сеть. Оттолкнув лодку, он подплыл к сети. Сеть опустилась на дно и шевелилась от рыбы. Выбрав сеть, Чалык забросил ещё раз. В лодке плескались крупные щуки, окуни, была и пара ленков. Оглушив несколько ретивых рыбин веслом, Чалык увидел, что сеть опять стала дёргаться и опускаться. Домой он вернулся с хорошим уловом. Все помогали выгребать рыбу из лодки, потом у костра рыбу варили, жарили на рожне – хватило всем. Немного надо лесному человеку для радости. Хороший костёр, сытый желудок да трубка доброго табаку.

Большая вода, как и всё плохое, пришла ночью. Перед этим несколько дней стояла жара. Не по-весеннему палило солнце. Всё это закончилось хорошей грозой, первой в этом году. Молнии зажгли неподалёку лес, но дождь вскоре погасил огонь. Ливень бесновался долго, а на следующую ночь пришла большая вода. Пришла валом, сметая с берегов всё подряд. В стойбище утащило лодку, вместе с лозой, к которой она была привязана. Другие лодки, вытащенные на берег, остались целые. Днём напор воды только усиливался, выворачивая деревья и кустарники, стоявшие рядом с водой. Вода заливала прибрежные луга и лес на противоположной стороне, там был берег ровный. Стойбище, стоявшее достаточно высоко на берегу, не пострадало. Нюнням, смотревший через реку на другой берег, сказал стоявшему рядом Чалыку:

– Завтра поплывём на тот берег, там рыба должна выходить на луга, бросим несколько сетей. Может, хариус попадётся.

– Поплывём. Не сидеть же здесь. За ночь весь хлам пронесёт, вода будет почище. Там, на том берегу, и ямы есть на лугах. Если вода быстро уходит, в ямах рыба остаётся, не успевает уйти, можно много хариуса поймать или ельца.

Утром следующего дня братья на двух лодках поплыли ставить сети на другой берег. Большая вода не страшна, главное, чтобы топляк не перевернул лодку. Быстро перемахнув русло, они поплыли по лугам, затапливаемым в каждое половодье. Было интересно плыть посреди мелкого кустарника. Вода на лугах была спокойная.

Чалык привязал сеть к кусту, растянул её вдоль течения. Нюнням отплыл подальше и тоже привязал сеть одним концом к кусту. Было неглубоко. Сеть даже не опустилась на всю высоту, немного ушла в сторону, перекрывая всё пространство. Рыбаки поставили ещё несколько сетей, потом поплыли к сухому месту раскурить трубку. Братья молчали, грелись на солнце, покуривая трубки. Курили братья уже давно. Дети начинали курить лет с восьми, и никто им не запрещал. Не считалось это вредным занятием. Курили все: и мужчины, и женщины, и дети. После полудня Чалык и Нюнням сняли сети. Рыбы попало немного, хватит всем порадоваться вечером.

Вода сошла через неделю. В ямах на лугах рыбы не осталось: успела уйти. Мужчины стали готовить котцы к ловле. Рубили в густом ельнике короткие колья, таскали к реке и забивали в дно, огораживая нужное место. Из ивняка плели «морды», специальные щиты с конусной горловиной, в неё и входила рыба под напором течения, а выйти назад не могла, собиралась в загородках, откуда её черпали саками. Много ловили рыбы, много и нужно было. Готовили ещё и чучела уток и гусей. Скоро наступит пролёт птицы, тогда можно заготовить мясо. Чучела ставили на озерца и тихие старицы. Птица, увидев собратов, садилась отдохнуть и подкормиться, здесь её и стреляли. Сначала уток, потом гусей. Мясо коптили, сушили, готовили на лето, летом другого мяса не будет. У птиц и животных будет молодь, стрелять её никто не станет до осени, вот и пригодится это мясо да рыба, которую ловят всё лето.

Дни проходили буднично. Каждый день приносил свои дела и радости. Люди готовились к торгам. Проверяли и упаковывали пушнину, готовили разные поделки из бересты и шкур рыб: туески, мешочки, разную посуду. Столько мелочей набиралось! Готовили и лодку-илимку, всю зиму простоявшую на берегу: смолили дно и борта,

поправляли покрытие кают. Скоро наступит день, когда часть людей из стойбища поплывёт вниз в Пеленгуты, чтобы выгодно продать или обменять всё добытое богатство на нужный товар. Каждый надеется, что уж этот год будет лучше, чем прошлый.

Нюнням один сидел на берегу: ушёл подальше, чтобы не мешаться в чуме. Много хлопот, каждый что-то ищет, собирает. Молодому охотнику нет дела до этой суеты. Без него соберут всё, что нужно. Чего зря под ногами толкаться? Слушать, как беззлбно переругиваются Кутега и Чалык. Шалгу курит, не переставая, иногда спрашивая о каких-то вещах. Нюнням сидел и раздумывал о прошедшем сезоне, о том, что его ждало впереди. Именно в это лето должно свершиться самое важное в его жизни. Хотел или нет этого охотник? Конечно, свой чум это хорошо, Нюнням сможет прокормить семью, но он не представлял себе, с кем ему придётся жить. Понравится ему жена или нет, хотя бы одним глазком посмотреть на неё перед женитьбой. А вдруг попадётся какая-нибудь страшная или сварливая? Что тогда будет делать охотник? Ведь жена не худая рукавица, не сбросишь в снег. Мысли, как трясогузки, перескакивали с одного на другое. То Нюнням пытался представить себе жену, то вдруг внимательно следил за полётом какой-либо птицы. Разглядывал раскачивающиеся макушки берёз, потом вспоминал охоту, как впервые добыл медведя – не дрогнул, не подвёл охотников. Мысли чередой мелькали перед глазами, так бывает, когда нет цели. Когда шёл, знал зачем, а когда осталось совсем немного, забыл, зачем шёл. И тогда лихорадочно пытался вспомнить цель. Нюнням знал, что от него сейчас ничего не зависит. Конечно, Шалгу постарается сделать как надо, но ведь у Нюнням есть своя голова. Шалгу ни разу не спросил, какую жену хочет младший сын. Так принято, что выбор сделает старший, а младший должен согласиться с чужим выбором. Всё это мучило юношу, и как противостоять этому, он не знал. И надо ли противиться этому? Когда послышался лёгкий шорох по речному песку, Нюнням не сразу среагировал. А потом и не стал оборачиваться, понимая, что идёт кто-то лёгкий и быстрый. Чур едва приподнял морду и снова закрыл глаза. Значит, кто-то свой.

– Можно присесть? – раздался девичий голос. Нюнням сразу узнал её, это вредная девчонка из их стойбища – Тега.

– Разве ты когда-нибудь спрашивала об этом? Просто садилась и вредничала.

– Мне уйти? – тихо спросила она.

– Нет, сиди, – Нюнням с удивлением стал разглядывать ту, которая портила ему жизнь при любом случае. Тега сильно изменилась за зиму, столько не виделись они, её семья охотилась совсем в другой стороне, в стойбище они пришли совсем недавно. Девушка стала выше и стройнее. Вместо озорных искр в глазах едва теплилась грусть.

– Ты изменилась, – сказал Нюнням.

– Говорят, что тебе невесту будут искать, это правда?

– Кто говорит?

– Все говорят.

– А тебе-то что? – Нюнням с любопытством посмотрел на неё.

– Ничего, – девушка посидела ещё несколько минут и медленно пошла в стойбище.

– Ты чего приходила? – крикнул он вдогонку. Она не ответила.

«Странная какая-то стала, – подумал Нюнням и снова обернулся, разглядывая удаляющуюся фигурку. Что-то тёплое и радостное шевельнулось внутри от непонимания её поведения. Если бы стала дразнить или смеяться над ним, тогда было бы всё понятно. Чего от неё больше ожидать? А здесь – словно другой человек». Теперь ещё и мысли о девушке стали донимать его.

– Что с тобой? – спросил подошедший Шалгу.

– Сижу, смотрю на воду.

– Кто это был?

– Не узнал? Это Тега. Я её тоже не узнал.

– Чего она хотела?

– Не знаю. Спросила про женитьбу и ушла.

«Вот почему она сама не своя, – подумал Шалгу, – неспроста это».

В последний день перед отплытием в стойбище было особенно шумно. Все жители были в приподнятом настроении, и те, кто направится на торги, и те, кто останется здесь. Горели костры, в котлах варились большие щуки и налимы. На рожне жарили ленков и хариуса. В печах пекли лепёшки. Все готовились к празднику, его устраивали каждый раз, когда отправлялись на торг. И хотя в стойбище не все были родственниками, но жили одной семьёй. В одиночку не проживёшь, в трудные времена делились последним. И сейчас всё готовилось для всех.

С восходом солнца Шалгу поднял Нюнням и позвал за собой. Взяв лучшие куски рыбы, приготовленной специально с вечера, старик пошёл на гору. Юноша последовал за ним. Казалось, никому и не было дела до этого, только одна пара глаз тайно провожала их. Кто-то знал, для чего они пошли в лес накануне отплытия, а кто и не знал – не спрашивал, не принято. Если пошли, значит, так надо, зря не пойдут. Чур, потихоньку виляя хвостом, бежал впереди. Охоты не было, и спешить не надо. Шли долго. Извилистая, едва приметная тропа вела прямо на вершину горы. Хотя и было тяжело, но Шалгу ни разу не остановился. К полудню они добрались до старенького, обветшавшего шалаша, в котором ночевали прошлым летом.

– Разожги костёр, – попросил Шалгу сына. Нюнням быстро собрал сухих веточек, отрезал небольшой кусочек бересты, ножом нарезал мелких ленточек. Несколько точных ударов кремнем о кресало, и искры густым пучком ударились в ленточки, которые тут же задымились. Появились язычки пламени, через минуту уже горел небольшой костерок.

– Потом поставишь чай, – сказал отец, – а сейчас отойди немного в сторону. Нюнням поднялся на пригорок и сел на валёжину. Чур улёгся рядом, свернувшись клубочком в траве. Нюнням стал наблюдать за Шалгу. Старик поначалу сидел возле костра, закрыв глаза. Потом протянул руки к огню, поплескал пламя, словно воду в реке, затем омыл пламенем всего себя, взял припасённую еду, тоже словно омыл пламенем и пошёл к сосне, на которой год назад Нюнням вырубил лик духа реки. На вытянутых руках Шалгу протянул подношение, положил под дерево, потом стал чем-то тереть лик, протянул руки к нему и долго говорил. Нюнням не слышал слов, но понимал, что старик просит духа реки, покровителя в настоящее время всего стойбища, о помощи. Чтобы ловилась рыба, чтобы торги прошли успешно, чтобы всё задуманное свершилось в точности. Шалгу долго говорил, потом упал к подножию сосны и долго-долго лежал. Юноша уже хотел подойти и спросить, не случилось ли чего, но отец медленно поднялся и направился к костру. Нюнням подошёл поближе. Налив в котелок принесённой с собой воды, стал варить чай. Когда чай был готов, прежде чем налить в кружки, Шалгу бросил в котелок какой-то порошок. Они медленно пили горячий напиток. Потом сидели, отрешённые, думая каждый о своём, словно заглядывая в будущее. Шалгу видел только одно, что свадебный котёл, куда они положат подарки для невесты, не опрокинут, а наоборот, подарки примут с радостью. Он видел, что все жители стойбища довольны прошедшими торгами. Он видел много счастливых лиц и своих сородичей, и незнакомых людей. Он видел брызги солнца на воде, которые играли весёлыми искрами, а потом прятались в прибрежной траве. Ему становилось тепло и спокойно.

Нюнням сидел с закрытыми глазами, но, словно наяву, видел чум. Его чум с красивой дверью, на которой было нарисовано солнце на закате, зацепившееся за ветку сосны. У костра склонилась над котлом девушка, хозяйка жилища. Рядом с ней вертит хвостом его Чур. Лица девушки Нюнням не видит, но фигура её ему знакома. Ещё он видит удачный промысел в сезон охоты. Много добудет охотник белок и другой пушнины. Много мяса всегда будет вариться в котлах его родных. И ещё он чувствует себя легко, словно птичье пёрышко на ветру.

– Увидел? – неожиданно спросил Шалгу.

– Да, – кивнул Нюнням.

– Доброе увидел?

– Да.

– Это хорошо, что увидел. Сейчас не важно – доброе или недоброе ты увидел, но ты увидел, значит, дал тебе бог. Есь другие глаза, ими можно видеть не то, что все видят. Это очень хорошо, что ты увидел, – старик был искренне рад. Подтвердилось его предположение. Нюнням может стать главным в стойбище. Если ты хороший охотник, это замечательно, твоя семья не будет голодать. Если ты знатный мастер, прокормишь семью своим ремеслом. Удачливый рыбак тоже неплохо. Но не каждый из них может разговаривать с духами. Не в каждом стойбище есть шаман. Тем более хороший шаман. Разговаривать с духами – не метко стрелять из лука. Редко у кого есть этот дар. А в стойбище должен быть человек, который, кроме всего прочего, умеет говорить с духами. Шалгу умеет говорить, но найти себе преемника не получалось. Теперь Шалгу спокоен: Нюнням сможет заменить его. Главное, что он видит то, что другим не дано. После того, как Нюнням перейдёт в свой чум, Шалгу научит его, как правильно разговаривать с духами.

В стойбище они вернулись к закату. Их ждали. Увидев добрую улыбку на лице Шалгу, все обрадовались. Всё будет хорошо. И началось веселье. Взрослые сидели у костра и весело разговаривали о пустяках просто потому, что у всех хорошее настроение. Говорили о разном, о том, что было всем известно. Молодые прыгали через костёр и водили хоровод, галдели, смеялись, радовались. Нюнням, не имея ровесников, сидел в стороне, стараясь не попадаться на глаза веселившимся людям. Не потому, что он не любил или не хотел веселья, просто не умел танцевать и стеснялся этого. Сидел, смотрел, радовался потихоньку, не выражая восторга, как это делали другие. Преданный Чур примостился рядом – вот его ничего не интересовало. Свернувшись у ног, он спокойно спал, не реагируя на шум. Только тихий шорох побеспокоил собаку, он приподнял морду, взглянул в темноту и опять уснул. Это опять была Тега. Она словно лисица, совсем не поднимая шума, пробралась к охотнику. Если бы не Чур, и не услышал бы Нюнням гостью, увлечённый плясками. Тега присела рядом. Они некоторое время сидели молча. Нюнням уже не настораживался в присутствии девушки, ожидая какой-нибудь проделки. Она вдруг изменила своё отношение к нему.

– Ты почему не танцуешь? – тихо спросила она.

– Не умею. А ты почему не танцуешь?

– Не хочу. Я тоже поеду завтра, – сказала она.

– Ладно, – он неопределённо пожал плечами.

– Я рада, что меня взяли. В первый раз поеду.

– Хорошо.

– Ты уже был много раз, всё там знаешь, наверное?

– Знаю. Там интересного мало, просто народу разного много.

– Интересно?

– Да, в первый раз – да. Потом ничего интересного. Продают, покупают, меняются. Только там река есть, больше нашего Туманшета, красивая. Сильная.

– Знаю. Бирюса. Мне отец рассказывал. Только я ещё не видела её.

– Вот и увидишь.

– Да. Тебе там невесту будут искать?

– Чего ты привязалась? Кто её потерял, чтобы искать?

– Так говорят. Вот возьми, это мой тебе подарок. Потом нельзя будет подарить, – она протянула ему вышитый бисером кисет для табака и исчезла так же тихо, как и появилась. Нюнням пытался разглядеть подарок, но было уже темно, к огню не пойдёшь – неудобно. Он решил подождать до завтра.

Утром гружёная лодка-илимка отчалила от родного берега. Часть людей находилась в лодке, управляя ею, охотники направились пешком по берегу, надеясь добыть к обеду какой-нибудь дичи. Так было всегда: в лодке не хватает всем места, а в стойбище только одна такая большая лодка – кочевать далеко не приходится, только раз в году её используют, когда отправляются на торги. В другое время лодка стоит на берегу. Идти пешком для охотников – дело привычное. Многие даже и не хотят находиться в илимке. Разве что пару лодок-веток, привязанных к большой лодке, используют для рыбалки в местах остановок. Так и идут несколько дней – кто по берегу, кто в лодке. Останавливаться на долгое время не нужно: расстояние невелико, только короткие ночёвки на берегу да отдых у костра. А с рассветом снова в путь, через пять-шесть дней лодка достигнет конечной цели. Уже там будут обустраиваться: ставить чумы, делать глиняную печку для приготовления хлеба. Будут жить своим маленьким стойбищем. Подождут, пока соберутся все торговцы, если будет возможность, распродадут сразу, но так бывает очень редко, сначала настоящую цену никто не даёт, ждут, пока товару прибавится и цена упадёт.

Шалгу остановил лодку в небольшой протоке, совсем рядом с устьем. Протока была знаменита тем, что здесь кормилась молодь ельца. Огромные стада мелочи гуляли по протоке туда-сюда, никого не боясь. По какой-то причине щуки не забредали в эту протоку, и молодь набиралась сил. Нерест ельца был прямо в самом устье, никто его здесь не трогал. Придёт время, уйдёт рыба туда, куда её поведёт зов предков. Поднимется в маленькие речки нагуливать жир, расти и готовиться продолжать свою рыбную историю. Когда рыба спускается осенью в большие реки, её поджидает опасность в виде разных ловушек и сетей, но многие доберутся до места, и в конце весны всё повторится снова.

Род Шалгу всегда останавливался только в этом месте. Все это знали, и никто не занимал чужой уголок. Лодку надёжно привязали, спустили трап. Быстро поставили чумы. Стойбище появилось настолько скоро и органично, что казалось, будто оно было здесь всегда. Уже дымились костры, над ними висели котлы для еды и чая, варили пойманную по пути рыбу, заваривали чай из листьев и корешков – покупной чай уже закончился, его предстояло купить. Поначалу брали немного: попробовать, насладиться, уже потом, попозже, приобретут столько, сколько нужно на весь год. Так делали всегда.

Нюнням помог установить чум и пошёл на берег Бирюсы. Присев на выброшенное большой водой дерево, он стал вглядываться в набегающие водные струи чужой реки. Сильное течение перекручивало воду так, словно хорошая хозяйка месила тесто. Струи подчинялись могучей силе, иногда всхлипывая. Воды Туманшета сразу попадали в это месиво, переплетаясь и постепенно сливаясь с Бирюсой. Уже через расстояние полёта стрелы ничего нельзя было разобрать, где чья вода. Смотреть на воду можно бесконечно. Человек может в ней увидеть всё, что только захочет. Вода примет нужные формы, какие только родятся в твоём воображении. Вот бог Есь улыбнулся, словно посмотрелся в реку, как в зеркало. Вот старуха Хоседэм нахмурилась. Вон там Чур пробежал, а здесь старик Шалгу задумался. И всё есть. Нюнням достал кисет, подаренный Тегой, и стал внимательно рассматривать: в пути некогда было посмотреть, то охотники были рядом, то у костра темно было. Он ещё несколько раз ловил на себе взгляды девушки, не понимая удивительное её превращение. Кисет был красив, видно, что мастерица старалась. Хотя одного старания мало, нужно и умение, а вот это есть не у всех, делают все одинаково, но получается по-разному. Кисет был сшит из непромокаемой налимьей шкуры. Шкура, тщательно выделанная, была почти невесомой, но крепкой. Если охотник случайно намокнет где-нибудь, то огниво и табак будут сухими. Это очень важно. Обшит кисет беличьими хвостами и украшен разноцветным бисером. Пока разглядывал, захотелось выкурить трубку. Делать особо нечего: охотиться здесь нельзя, в этих местах добывают себе пропитание местные жители, а вот рыбачить никто не запрещает. Завтра Нюнням возьмёт ветку и поплывёт на другой берег Бирюсы побросать удочку, можно наловить

свежей рыбы на обед, да и скоротать время приятней на рыбалке, чем болтаться по селению.

С торговлей не торопились. Шалгу узнавал новости и ждал. Кроме торговли, он расспрашивал знакомых охотников, куда можно идти с подарками для невесты. Но пока ничего достойного не находилось. Вскоре пришёл знакомый охотник, которому в прошлом году Шалгу делал лодку-ветку, ему же старик привёз обещанный лук. Не такой, как у младшего сына, но очень хороший, таких немного найдёшь во всей округе. Шалгу сидел рядом с чумом и курил как обычно, стоило только отвлечься от работы, сразу одолевали какие-то мысли. Иногда приходили воспоминания из такой далёкой жизни, что казалось, что это уже не совсем правда, а просто выдуманная красивая сказка. В последнее время всё чаще посещают его такие «гости».

– Здравствуй, Шалгу, – сказал охотник, присаживаясь к огню. Молча набил себе трубку, кинул уголёк от костра в табак и стал старательно раскуривать. Трубка раскурилась не сразу, словно выдерживая паузу. Шалгу кивнул пришельцу, не вынимая своей трубки изо рта, словно важнее ничего не было, так они сидели и курили довольно долго.

– Как удался сезон? Всё ли хорошо? – наконец, спросил Шалгу.

Охотник уже давно ждал этого вопроса, который был предлогом для разговора. Первым начинать разговор должен был старший.

– Всё хорошо. Бог Есь дал удачи. Белки было много, соболь не ушёл в другое место. И мясо было в чуме всегда; лодка послужила хорошо, много рыбы поймали. Удача не бросила меня и весь мой род. А у тебя всё ли ладно?

– Всё ладно. Ты помнишь, я просил в прошлый раз узнать про невесту для моего младшего сына?

– Да, я помню. Ходил зимой далеко, к карагасам, узнавал. Есть такая, какую ты просил, но далеко надо ходить. В самое верховье Бирюсы. Те карагасы сами сюда не кочуют. Они спускаются по Уде. Ближе я не нашёл ничего достойного.

– Может, это и к лучшему, – сказал Шалгу.

Он снова замолчал, поглядывая на костёр. Гость уже ещё набил трубку, все не решаясь спросить про заказ. Но вдруг Шалгу сам сказал:

– Лук я сделал для тебя. Завтра приходи.

– Хорошо, – сказал охотник, едва не подпрыгнув от восторга. Луки, которые делал старый мастер, славились, поэтому в качестве не стоило сомневаться. Раз сказал, что сделал, значит, такой, какой надо. Охотник едва смог докурить трубку спокойно. Потом попрощался и пошёл к себе. Ему хотелось бежать вприпрыжку, но он усмирил свой восторг.

Нюнням пришёл после гостя и сел на его место у костра.

– Рыбачил? – спросил Шалгу.

– Немного есть, отдал Кутеге. Приготовит. Или ты хочешь на рожне?

– Поставь чаю.

Уже звёзды мелкими снежинками расхолодили всё небо и плескались в воде, раскачивая реку. Отец с сыном всё ещё сидели у костра и молчали, каждому было уютно в своих мыслях.

«Может лучше будет сосватать Тегу, – думал Шалгу. – Хорошая невеста выросла. И в чуме у неё будет порядок. И смотрит она на Нюнням не просто так - нравится ей сын. И он тоже смотрит на неё внимательно. А несколько лет назад она часто подразывала Нюнням. Шалгу не один раз видел, как сын убегал от неё, чтобы не связываться. А теперь смотри, как всё сложилось. И из своего стойбища. Её родители прибились к стойбищу уже давно. С ними была ещё одна семья. В тот год медведь пришёл в их стойбище. Несколько семей погибло, пока убили зверя. Остальные решили, что беда эта не просто так, и ушли из родных мест, путая следы, чтобы старуха Хоседэм больше не посылала к ним медведя. Их приняли, теперь уже и не помнили, что они пришлые, сблизилась со всеми. В тайге

одному прожить очень тяжело, потому и держатся вместе, вместе и заготавливать на зиму рыбу легче, и загонять копытного зверя в ловушки вдвоём не сможешь. Тега не одних кровей, значит, можно и сватать. И далеко не надо ходить. У него была мечта увидеться с дочерью Алгу, которая была замужем далеко в верховье Бирюсы, но, видно, не получится».

Нюнням всё чаще вспоминал Тегу. Она была здесь, в Пеленгутах, но он ни разу ещё не видел её. Наверное, работы много или специально не попадает на глаза. Скоро закончатся торги, тогда опять увидятся, когда будут вместе тащить илимку по берегу.

Рано утром появился старый знакомый за луком, всю ночь он не мог уснуть. Принёс плату за заказ, он знал, сколько стоит лук, но за этот лук стоило дать две цены, не нужно жалеть. И охотник не пожалел. Вместе с ним пришли зеваки, всем хотелось посмотреть, за что такую плату дают.

Шалгу с достоинством, но одновременно и небрежно вынес лук из чума, красивые линии вызвали возгласы восхищения. Старик протянул лук охотнику:

– Примерь. Не велик?

Лук мерили шириной рук. Охотник распахнул руки, и все увидели, что величина была в самый раз. Взяв из колчана стрелу, охотник с усилием натянул тетиву. Подержал так, отпустил тетиву. Ещё раз натянул. Примерялся. Шалгу подал ему колчан и сказал:

– Испробуй. Может, не подойдёт.

Но охотник уже ничего не слышал. Он просто жил в этом луке. Кто-то поставил чурку торцом, чтобы можно было стрелять в неё. Охотник, почти не целясь, выпустил стрелу, и через мгновение она хлётко воткнулась прямо в середину чурки. Потеряв контроль над собой, он подпрыгнул вверх и мелко затопал ногами по земле, до того был счастлив. Вторая стрела качалась рядом с первой - восторгу не было предела! Теперь уже и зеваки кричали слова одобрения. Повеселил их обладатель новенького лука. Шалгу набил себе трубку табаком и раскурил. Поглядывал на охотника и был доволен, что в таких руках его труды не пропадут. Приятно было отдавать изделие в умелые руки. Радость в глазах старого мастера светилась тёплой улыбкой. Цена ценой, но неумеха может и опозорить имя мастера. На шум ещё подошли любопытные, а владелец пускал одну стрелу за другой в цель, радуя зевак. Люди курили трубки, цокали языками от удивления, и все радовались за охотника, словно за самого себя. Счастливый владелец лука принёс ещё хороший кедровый корень, подал Шалгу и сказал:

– Хотел сделать себе трубку, побоялся испортить корень. Возьми, сделай себе трубку. Ты не испортишь. И вот тебе ещё кiset с табаком. Спасибо, мастер, я очень доволен.

– Пусть он тебе принесёт удачу, – сказал Шалгу.

На следующий день прибыли купцы. Торги открылись сразу. Продавали, менялись степенно, соглашались, спорили, но беззлобно. Так продолжалось несколько дней. Каждое утро охотники приносили меха, поделки из бересты и дерева, брали сначала только нужный товар: чай, сахар, табак, разные материи выбирали женщины. Купленное уносили в илимку, оттуда приносили ещё меха. Шалгу присмотрел для себя только хороший нож – всё другое выберет Кутега.

Свой товар старик сдавал всегда одному купцу, с ним они были давно знакомы, ему Шалгу делал лук на заказ. Купец на охотника не походил, но плату давал хорошую. И на этот раз он заказал лук к следующему году, не торгуясь, взял все меха. С хорошим мастером нужно иметь и отношения достойные. За один лук мастера купец покроет все свои недочёты. В другом месте за такой лук дадут три цены, которую он отдаст мастеру. Ещё и почёт такой, который за деньги не купишь.

Вечером Шалгу пошёл в кузницу. Он любил смотреть, как его ровесник Мурда ловко справлялся с металлом: разогревал, стучал, разбрасывая искры. Кузнечить Мурда приновился ещё в Енисейске. Кочевали они недалеко от крепости. Однажды Мурда увидел, как работает кузнец, как твёрдое железо послушно превращалось в нужную вещь, пристроился в служки к кузнецу, выполнял любую работу не только в кузнице, но и по

дому, усваивал всё на лету. Три года пробыл в учениках, потом повздорил с кузнецом и ушёл в верховье Бирюсы, дошёл до Туманшета, здесь и остался. Охотился несколько лет, но кузнечное дело не давало покоя. Однажды договорился с купцом, чтобы привёз он меха кузнечные и прочий инструмент. Купец привёз, и Мурда десять долгих лет рассчитывался с ним, теперь уже давно работает сам на себя, если и заказывает купцам привезти что-либо, то платит сразу, чтобы не быть в долгу. Кузнецом он был неплохим. Мог делать всё, что было необходимо для жизни, железа бы только иметь побольше, его как раз и привозят купцы.

– Посмотри, купил нож себе. Понравился, – Шалгу протянул кузнецу нож.

Тот взял, посмотрел заточку, попробовал ногтем. Посмотрел на свет. Постучал по нему пальцами, послушал, как звенит. Сказал, возвращая нож:

– Ладный. И железо хорошее. Мастер делал. Много шкурок отдал за него?

– Много, – согласился Шалгу.

– Стоит того. Долго служить будет. Ты, я слышал, лук привёз по заказу. Говорили, что хороший лук. Ну и правильно, мастер не будет плохое делать.

– Хороший лук вышел.

– Я хочу заказать у тебя лук для сына. Сделаешь? – Мурда посмотрел в глаза мастеру.

– Если сделаю, то привезу следующим летом. Большой ли сын?

– Сейчас придёт, посмотришь.

– Женить хочу своего младшего, у вас есть чум, куда можно нести котёл? – спросил Шалгу больше для поддержания разговора. Он уже решил, в какой чум понесёт подарки.

– Нет, не знаю. Приходи ко мне года через три, подрастёт дочь, – сказал Мурда, улыбнувшись.

– Ладно. Если не женю до тех пор, приду к тебе.

Дотемна просидел Шалгу в кузнице. Пришёл сын кузнеца, высокий плотный парень. Видно, что силой не обижен, хотя по виду совсем молод ещё.

– На охоту ходишь? – спросил Шалгу юношу.

– Бегаю мало-мало.

– Понятно, – кивнул мастер.

Шли дни. Уже всё было продано, но Шалгу не торопился домой. Он всё чаще видел, как Нюнням вместе с Тегой сидят на берегу Бирюсы и разговаривают. И надо было уже нести подарки, но Шалгу всё оттягивал сроки. Думая, он посмеивался про себя над тем, что получилось. У тебя под носом выросла невеста, и до времени никто не заметил. В сваты можно было идти дома, но здесь важнее, пусть будет праздник для всех. Свадьбу будут делать в стойбище, а сватать надо здесь. И он решился.

– Где там у нас подарки для сватов? – спросил он Кутегу.

– Лежат. Есть невеста на примете? Далеко идти? Когда пойдёте? – вопросы посыпались, как искры из костра.

– Пойдём, – сказал Шалгу. – Скоро пойдём. Зови-ка соседку, понесёте котёл невесте.

– Я быстро, – Кутега исчезла ненадолго, привела с собой соседскую старуху.

– Сватать пойдёте Тегу, – сказал Шалгу.

– Правильно, – вдруг сказала невестка. – Хорошая девушка выросла. Мы её знаем.

– Вот и сосватайте.

Большой новый медный котёл, доверху наполненный подарками для невесты и её родителей, занесли в чум невесты. Хозяева поначалу растерялись, но потом обрадовались. Поняли, кто к ним сватается, большой почёт для семьи невесты такой жених, один из первых охотников стойбища. Поначалу, как принято, поговорили о молодых годах невесты да ещё о разном, но согласились быстро, боялись, чтобы не ушли сваты. Шалгу сидел возле чума и курил трубку: волновался старик. Был уверен, что не откажут, но червячок сомнения все же точил его. Когда увидел улыбающихся женщин, понял, что всё свершилось.

Нюнням с Тегой катались на вёрткой ветке вдоль берега быстрой Бирюсы, совсем не догадываясь о свершившемся сватовстве. Молодых никто и не спрашивал. Поставят перед фактом, и будь любезен слушаться. Им было хорошо и весело вместе - несколько раз едва не опрокинули лодку. В стойбище шли вместе, преданный Чур плёлся позади.

Нюнням никто ничего не сказал вечером. Допоздна он сидел с мужчинами у костра, а рано утром ушёл на рыбалку. Когда он ушёл, Шалгу взял лук, сделанный для подарка сватам, и пошёл договариваться о выкупе. Пришёл не к чужому человеку, а к соседу по стойбищу. Посидели, попили чай, сговорились сразу. Лук мастера Шалгу умел уговаривать любого охотника. Но и Шалгу не пожадничал, хороший выкуп предложил за невесту, половина которого будет отдана самой невесте, пусть видят, что не последний охотник в стойбище жених. Другая половина для родственников. Свадебный пир будет перед охотничьим сезоном, когда можно будет поставить на стол много мяса. Без мяса свадьба не свадьба. Сваты объявили всем родственникам, невесте сообщили о случившемся. Тега, не ожидавшая такого счастья, едва не упала в обморок, она уже и не мечтала об этом, но случилось чудо. Сколько она просила богов смилостивиться, не отбирать Нюнням у неё, боги услышали. Теперь она просто спряталась за занавеску и тихо плакала. Так велико было её счастье, что слёзы всё никак не останавливались.

Нюнням спокойно себе рыбачил, поглядывая на берег. Но Тега не появлялась. Уже и солнце скоро коснётся макушек сосен, уже искры плещутся у кустов на другом берегу реки, становясь всё ярче, а Теги нет, значит, уже не придёт: случилось что-то или помогает матери. Собрав всю рыбу на кулан, вытащив лодку на берег, юноша медленно пошёл домой. Он не понимал одного: Шалгу ничего не говорил о сватовстве, а ещё надо было куда-то идти, и идти вверх по Бирюсе – уже пора бы. На все походы уйдёт немало времени, а отец не торопится. Может, раздумал? С такими мыслями он пришёл к чуму. Сел на своё излюбленное место, набил трубку. Сидевший рядом Чалык, усмехнулся:

– Ты где ходишь? Тебе невесту сосватали.

Нюнням посмотрел на брата, но всерьёз его разговор не принял. Посмотрел на Шалгу, но вид отца ничего не говорил. Он было совсем успокоился, брат иногда и подшучивал над ним. Брат был старше на пять лет. Они не были близки из-за возраста, брат и брат, у старшего брата была уже семья, он заботился о ней, а младший ещё гонял бурундуков рядом со стойбищем.

– Скоро пойдём домой? – спросил Нюнням. – Уже все дела поделаны, можно возвращаться.

– Пожалуй, уже все дела сделаны, – согласился Шалгу. – Чалык правду сказал, сосватали тебе невесту, будет у тебя теперь свой чум. Рад?

– Чему радоваться? Я невесту ещё не знаю.

– Знаешь. Зовут её Тега, – тихо сказал отец. Нюнням недоверчиво посмотрел на него, потом на брата. Понял, что это не шутка.

– Нравится невеста? – опять спросил отец.

– Да, – пробормотал сын.

– Ну, и ладно. Хорошее дело получилось. И невестка будет хорошая. Буду теперь с вами жить. Чалык со своей семьёй останется в чуме, а мы поставим себе новый. Вот сделали последнее дело, теперь и отправляться можно.

Отец с братом ушли спать в чум, а Нюнням всю ночь сидел у костра и улыбался. Он представил себе Тегу невестой. Так хорошо и легко стало на душе. Теперь больше не надо выдумывать себе лицо невесты, оно есть, и очень приятное личико. Чур поднял морду, посмотрел на хозяина и отвернулся от него.

– Ладно, спи. Крутишься тут, – усмехнулся Нюнням.

Только под утро Нюнням уснул прямо у костра, рядом с ним спал его пёс.

– Сегодня собираемся, завтра идём домой, – объявил Шалгу своему стойбищу. Люди зашевелились, стали собираться. Все уже устали находиться здесь, хотелось домой. Больше всего хотелось Нюнням и Теге. Они ещё не виделись после сватовства. Тега сидела в чуме, занимаясь ежедневными делами, её никто не держал взаперти, но столько новых чувств она не могла нести куда-то, боясь казаться смешной.

Счастливым человеком, как и несчастным, сразу бросается в глаза, и каждый начнёт спрашивать о причинах. А разве захочется делиться с кем-то своим счастьем, когда ещё и сама не прочувствовала всё до конца? Вот и приходится находиться у себя в чуме. Какие-то мелкие дела не мешают ей думать и наслаждаться счастьем, неожиданно свалившимся на неё. Только в последний день, когда стали собираться в обратный путь, она всё же решила пойти на берег Бирюсы в надежде увидеть там его, того, который нравился ей давно, того, кто скоро станет её мужем, с кем они будут жить в одном чуме, в своём чуме. Тега станет прекрасной хозяйкой, она всё умеет, любую работу знает. В таких мыслях и заботах прошёл день.

Нюнням и его преданный друг Чур сидели на берегу реки. Прощаться с этим местом было и грустно, и радостно. Дома, на Туманшете, всё привычнее, ближе, но здесь тоже неплохо, только жить в Пеленгутах Нюнням не стал бы. Шумно здесь: народ толчется, проходу нет. Нюнням не любит, когда шумно, от шума быстро устаёшь. Но Бирюса большая, можно было бы податься вверх по реке, там потише будет. Хотя Шалгу говорит, что там тоже есть поселения. А далеко-далеко, где синева сливается с зелёной, живут карагасы, люди, кочующие на оленях. У Нюнням там живёт сестра, и он обязательно посетит её, однажды решится и пойдёт к синим горам, туда, где рождаются реки. Любую дорогу сможет осилить молодой охотник.

Тега подошла тихо. Даже Чур, уловивший знакомые шаги, не поднял голову. Она присела рядом. Долго молчали, потом она сказала:

– Правда, красивая река Бирюса? Сильная. Но у нас всё роднее и лучше.

– Да, у нас лучше.

Незаметно они взяли друг друга за руки и так сидели, не подвигаясь ближе. Каждый радовался молча. Разве можно рассказать словами то, что они чувствовали сейчас?

Шалгу сидел возле чума и смотрел на две фигурки, сидевшие на берегу. Солнце клонилось к лесу, раскрашивая в ярко-зелёные тона макушки сосен. В реке, где вода была спокойней, просто отражалось большое яркое пятно на зелёном фоне, а там, где водные струи расталкивали друг друга, это пятно распадалось на множество ярких искр то расплываясь, то собираясь вновь. Тени от леса стали длиннее, постепенно приближаясь к противоположному берегу, вытесняя солнце. Искры на воде из ярко-светлых превращались в огненно-красные и расплывались в прибрежных кустах, потом в последний раз сверкнули на воде и исчезли. Только две фигурки, окрашенные заходящим солнцем в красное, выделялись на фоне воды, вселяя надежду на новый день. Постепенно зашло солнце, захватив с собой все яркие краски, оставив только серое и тёмно-зелёное. Но фигурки ещё долго виднелись на берегу, постепенно исчезая в медленно наступающей темноте.

Наступила полная темнота на мгновение, пока не набрали силу вспыхивающие звёзды. Шалгу один сидел у костра и смотрел на огонь – зрелище, никогда не надоедавшее. Легко на душе было у Шалгу. Сделано самое главное дело. Теперь у младшего сына будет свой чум. Теперь станет спокойней старая Чннга, которую уже давно забрала к себе Хоседэм, он выполнил всё, что надлежало отцу, осталось дать сыну последние знания, предназначены не для всех. Есть ещё силы у Шалгу, успеет научить Нюнням многому. Оставит после себя достойную замену в стойбище. Уже сейчас он первый в охоте, но настанет время, когда станет первым во всём. В стойбище нужен человек, на которого можно положиться в любом случае. Хорошо бы иметь шамана, но его нет поблизости, а на каждый раз не находишься по несколько дневных переходов. Многое вместо шамана умеет делать Шалгу: необходимые обряды при рождении детей и похоронах можно

проводить и без шамана. Просить у духов удачи на охоте, камланию и чтению заговоров – вот чему будет учить Нюнням отец, вот какие знания передаст он ему.

Короткая летняя сибирская ночь стала уже гасить звёзды, а Шалгу всё сидел, вспоминая прошлое. Мало что изменилось в жизни, только годы забрали силы да выросли помощники. Теперь будет всё хорошо, у каждого есть своя тропа в жизни, по которой нужно идти самому и тащить гружёную нарту. В этом и есть смысл, чтобы дотащить свой груз и ничего не растерять по дороге. Шалгу потерял жену. Его ли это вина или нет, кто ему скажет? У кого спросить? Но раз так случилось, Шалгу не бросил нарту, а тащил её до конца. И вот выполнил последнее, что должен был сделать как отец.

Шалгу набил очередную трубку, улыбнулся. Нет, не всё выполнил. Свадебный пир, на котором будет присутствовать всё стойбище, ещё не провёл. Но это только радость, разве на пиру бывает плохо?

Рассвело. Небольшой туман накрыл Бирюсу. Дымились последние костры у чумов, их скоро начнут разбирать. Когда лёгкий утренний ветерок смахнул туман, Нюнням и Тега, взявшись за руки, пошли к стойбищу. Позади них плёлся недовольный Чур, не понимая своим собачьим умом, для чего надо бродить в такое время.

После обеда тронулись в обратный путь. Начинался месяц нельмы.

«Котты Костяцкое – остякское племя Енисейской губернии, ныне почти исчезнувшее. Некогда оно было весьма многочисленно и жило, до прихода русских, в Енисейской губернии. В бассейнах рек Бирюсы и Кана. Остатки коттов, проживавшие на реке Кан, ныне живут в Канском округе в Агульском улусе и сами называют свой род коту. Жившие на реке Бирюсе котты, переселились в Нижнеудинский округ Иркутской губернии на реку Уда, где обитают в 30 верстах от города Нижнеудинска, в деревне Бадарановке. Они частью слились с бурятами, частью обрусели и называют себя по-русски коттовцами и по-бурятски котоп. Остатки коттов забыли родной язык. В конце 40-х годов только четыре человека помнили свой язык и то нетвердо».